

The book cover features a dark blue background with a large, irregular, torn-paper-like shape in the center. Inside this shape, a golden crescent moon is in the upper left. In the upper right, a golden, ornate castle with multiple towers and a central dome sits atop a dark, rocky hill. The title 'Охотники за пламенем' is written in a large, golden, stylized Cyrillic font across the middle. Below the title, a golden arrow points to the right. In the lower left, a figure in a dark blue cloak with a hood, carrying a quiver of arrows on their back, stands looking towards the right. The bottom of the torn-paper shape shows a dark, rocky landscape with some golden, glowing spots.

Охотники за пламенем

*Они – легенды
Аравии*

ХАФСА ФАЙЗАЛ

Хафса Файзал. Пески Аравии и другие истории

Хафса Файзал

Охотники за пламенем

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Файзал Х.

Охотники за пламенем / Х. Файзал — «Эксмо», 2019 — (Хафса Файзал. Пески Аравии и другие истории)

ISBN 978-5-04-111771-9

Зафира – Охотник. Она скрывает лицо под маской и раз за разом отправляется на охоту в проклятый лес Арз, пожирающий людей, чтобы её народ мог выжить. Насир – Принц Смерти. Он убивает тех, кто достаточно глуп, чтобы бросить вызов его жестокому отцу-султану. Они – легенды Аравии, но ни один из них не желал этой славы. Пока Арз медленно поглощает королевство, Зафира отправляется на поиски артефакта, который поможет остановить заколдованный лес и спасти Аравию. Она не знает, что Принц Смерти уже получил от отца новое задание: найти тот же артефакт – и убить Охотника. Но древнее зло встаёт на пути у них обоих – и врагам приходится объединиться, чтобы противостоять куда более грозному противнику... Встречайте первую часть дилогии «Пески Аравии»: завораживающую историю о сильных героях с чарующим флёром арабских ночей.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111771-9

© Файзал Х., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Действие I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	51
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	62
Глава 12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Хафса Файзал

Охотники за пламенем

*Посвящается матери, сотворившей сердце моё, и отцу, который
закалил его точно сталь.*

*Детям – любовь, – сказала девушка.
Смерть – дуракам, – сказала тень.
Тьма есть судьба моя, – сказал юноша.
Верность меня погубит, – сказал орёл.
Страдание – вот наша участь, – сказала красавица.
И все они ужасно ошибались.*

Hafsah Faizal

WE HUNT THE FLAME

Copyright © 2019 by Hafsah Faizal Published by arrangement with Folio Literary
Management, LLC.

© Захватова О.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Действие I

Серебряный, как месяц молодой

Глава 1

Люди выживали, потому что она убивала. И если для блага народа нужно бросать вызов самому Арзу, куда даже солнце боится заглядывать, значит, так тому и быть.

Иной раз, когда день стоял ясный, Зафира бинт Искандар невольно задумывалась о том, что она, верно, храбрее самого солнца. В другие дни она не могла дожидаться, когда проклятие Арза наконец останется в прошлом, укоренив её на равнинах халифата, даамовом¹ снегу и всём, что там было.

День нынешний мало чем отличался, разве что оленьими рогами, беспрестанно царапающими ладони. Зафира, выбравшись из треклятой лесной глуши, притворилась, что вздохнула не по вине глубоко засевшего страха, а от удовлетворения выполненной задачей. Утреннее солнце приветливо расцеловало её щеки.

«И тебе tarhaba², трусливое светило».

Халифат Деменхур славился чахлым солнечным светом, ибо небесная звезда не ведала, что делать со снегом, который должен быть песком.

Впереди раскинулось белоснежное море, гладкое и чистое, но, вопреки онемевшим от холода пальцам и носу, одинокое сердце Зафиры ненадолго преисполнилось радостью. В халифате, где подвиги женщин грозили обратиться против них же, притворяться мужчиной было непросто – тем более обладательнице женской фигуры, женского голоса и женской походки.

Выпуская в морозный воздух горячий пар дыхания, Зафира тащила тушу оленя, оставляя за собой жуткий багровый след. В воздухе витали надежды; в лесном покрове и шёпоте листьев таилось спокойствие.

«Не во мне тут и дело», – утешила себя Зафира, когда без всякого предупреждения наведальась тревога. Грядущая свадьба вызывала в душе целый калейдоскоп эмоций.

---

¹ Проклятом (с арабского).

² Здравствуй (с арабского).

От гниющего ствола, к которому Зафира привязала Сахара, донеслось приветливое ржание. Белоснежный жеребец практически сливался с такой же снежно-белой накидкой. Пока девушка привязывала добычу к седлу, Сахар оставался непоколебимым и таким же милым, как и дарованное ему имя.

– Удачно поохотились, – похвалила Зафира коня, который ничем не помогал, после чего вспрыгнула ему на спину.

Не реагируя, Сахар пристально глядел вдаль на просторы Арза, как будто из самых глубин вот-вот выскочит ифрит³ и проглотит его целиком.

– Трус, – с улыбкой на немеющих губах обронила Зафира.

Так или иначе, когда дело касалось Арза, никто не славился храбростью. Каждый из пяти халифатов, образующих Аравию, страшился обступающего их леса. Все они одинаково трепетали перед проклятием, которое легло на их земли непомерным грузом и напрочь лишило волшебства. Баба⁴ учил Зафиру не бояться Арза, убеждая, что во многих смыслах тот ничем не отличается от обычного леса. Баба наказывал дочери извлекать пользу из даров Арза, полагая, что Зафира сумеет его приручить. Увы, Арз не подчинялся Зафире. Никому не подчинялся.

Гибель отца – прямое тому доказательство.

Зафира, выведя коня из леса, направилась к поляне, в глубь Деменхура. Арз, однако, из раза в раз требовал последнего взгляда, поэтому Зафира остановилась и напоследок обернулась.

Проклятый лес глядел в ответ. Дышал. Тощие деревья, окутанные клубящейся тенью, тянулись к ней искривлёнными ветвями словно пальцами.

Ходила молва, что Арз поедает людей, как стервятники питаются падалью. И всё же, вопреки слухам, Зафира возвращалась туда день за днём, охота за охотой. Она прекрасно понимала, что каждая вылазка может стать последней, и, пусть клялась, что не трусит, всё-таки страх потеряться в лесу сделался для неё одним из самых глубоких.

В то же время глубоко в душе Зафира упивалась охотой в самом сердце тьмы. Она ненавидела Арз. Она *настолько* его ненавидела, что в его отсутствие начинала тосковать.

– А-х-х, даамов Арз, сколько же можно тобой любоваться? – дрожащим голосом спросила Зафира. – Пора возвращаться, Сахар. Опоздаем к свадьбе – Ясмин снимет нам головы.

Сахар, как видно, особо не тревожился. Зафира, цокнув языком, подтолкнула коня вперёд, и по мере отдаления от Арза напряжение в его теле начало иссякать.

Спокойствие, впрочем, длилось недолго. Совсем скоро в воздух закралось тяжёлое ощущение чужого присутствия.

Крошечные волоски на шее Зафиры приподнялись. Всадница обернулась, бросила через плечо настороженный взгляд. Арз глядел в ответ, как будто затаив дыхание. Нет, не лес стал причиной тревоги. Нет, кто бы ни находился поблизости в Деменхуре, он имитировал тишину почти так же умело, как сама Зафира.

Почти.

Единственное, чего Зафира страшилась больше, чем потеряться на просторах Арза, – это попасться в руки человеку, который раскрыл бы её тайную личность. Доказал бы народу, что она не охотник, а семнадцатилетняя *охотница*, скрывающаяся под отцовским плащом с тяжёлым капюшоном. Случись подобное, её начнут сторониться, над её победами станут потешаться. Одна только мысль об этом заставила сердце Зафиры сжаться от ужаса и поневоле ускориться.

Вопреки настороженности Сахара, Зафира развернула его в сторону Арза и едва слышной на ветру командой отправила в галоп.

---

³ *Ифрит* – сверхъестественное существо в арабской и мусульманской культуре, разновидность джинна.

⁴ Отец (здесь и далее – перевод с арабского, если не указано иное).

– *Yalla!*⁵ – настойчиво поторопила всадница жеребца.

Сахар, встряхнув гривой, без возражений бросился вскачь.

На подъезде к лесу тьма постепенно сгущалась. Странно, но при первых признаках смертельной опасности Зафира неизменно держала путь в сторону неизвестности.

Мороз кусал щёки Зафиры. Внезапно справа мелькнуло чёрное пятно; второе пронеслось слева. *Лошади*. Прикусив губу, девушка направила коня между ними и тотчас пригнулась, чтобы не врезаться головой в преграду.

– *Qif!*⁶ – раздался вопль.

Но какой дурак *стал бы* повиноваться?

Разве что Сахар. Он резко застыл на границе Арза, дёрнув Зафиру в седле. Вот она, пощёчина. Напоминание, что он никогда не осмелится приблизиться. Запахи древесины и кислой гнили в одночасье обострили все притуплённые холодом чувства.

– *Laa!*⁷ *Laa. Давай же.* Только не сейчас, трус! – прошипела Зафира.

Сахар кивнул, вот только с места не сдвинулся. С замиранием сердца Зафира глядела в приглушённую мглу. Арз – не то место, к которому можно повернуться спиной; не то место, где позволительно попадать впросак и...

С руганью на устах Зафира развернула коня, не обращая внимания на его протесты.

Завывал ветер, промозглый и резкий. В страхе Зафире чудилось, будто Арз дышит ей в спину. Но секунду спустя она заметила в четырёх шагах двух фыркающих лошадей. Могучие тела скакунов покрывали кольчуги и накидки, чёрные, как ночное небо.

Боевые лошади.

Таких разводили в одном-единственном месте: соседнем халифате Сарасин.

Или, возможно, в Крепости Султана. Узнать наверняка, кому принадлежат лошади, было сложно, ибо в недалёком прошлом султан Аравии хладнокровно расправился с халифом Сарасина, незаконно присвоив власть над землёй и армиями, в которых сам не нуждался. Халифы существовали ради баланса, и султан не должен был их *убивать*.

Обнажённые руки всадников играли мускулами; лица не скрывали суровости. Кожа их знала солнце, приливы и отливы пустыни, которых так жаждала Зафира.

– Пойдём с нами, Охотник, – отчеканил крупный мужчина, будто обращаясь к скотине на пастбище.

Взгляд девушки упал на саблю в его руках.

Если Зафира и сомневалась, откуда нагрянули гости, тембр голоса всадника развеял все сомнения. Дыхание перехватило. Одно дело – попасться в лапы деменхурцу, который распустит сплетни, и совсем другое – нападение сарасинцев.

В надежде скрыться под капюшоном Зафира опустила голову. Множество раз ей доводилось бросать вызов тьме или убивать кроликов и оленей, но никогда прежде она не стояла перед лезвием сабли.

Однако, несмотря на видимую мощь, люди Сарасина держались на расстоянии. Даже *они* остерегались Арза.

Зафира гордо подняла подбородок.

– С какой стати? – протянула она, перекрикивая внезапный свист ветра. Её возвращения ждали голодные люди и прекрасная как луна невеста, с которой предстояло попрощаться.

«Зачем им я?»

– Тебя ожидает султан, – гаркнул воин поменьше.

---

⁵ Давай!

⁶ Стой!

⁷ Нет.

«Султан? Святые небеса». Этот злодей отрубал пальцы чаще, чем стриг собственные волосы. Поговаривали, что в былые времена он слыл хорошим человеком, вот только в сказки Зафире верилось с трудом. Султан являлся сарасинцем по рождению, а сарасинцы, как ей всю жизнь твердили, рождались без добра в сердцах.

Страх вспыхнул в груди ярким пламенем, однако Зафира понизила голос:

– Если бы султан желал меня видеть, почтил бы письмом, а не своими собаками. Я не какой-то преступник.

Низкорослый сарасинец открыл рот, чтобы возразить столь дерзкому сравнению, но спутник его в тот же миг вытащил саблю и шагнул ближе.

– Это не просьба. – Повисла пауза. Воин осознал, что страх перед Арзом не позволит ему двигаться дальше. – *Yalla*. Ступай сюда.

«Нет. Нельзя вот так сдаваться». – Зафира поджала губы.

Если и славились сарасинцы чем-то, кроме варварства, так это гордостью.

Зафира прошептала Сахару нежности. Наверное, дело было в воинах или, может, в боевых лошадях, могучих и устрашающих, но верный конь вдруг отступил на шаг. Это было самое близкое расстояние, на которое за всё время Сахар приблизился к Арзу. Вот только мучения его на том не закончились. На потрескавшихся и, вероятно, бесцветных от холода губах Зафиры появилась ухмылка.

– Тогда поймайте меня.

– Тебе некуда деться.

– Ты забыл, сарасинец. Арз – мой второй дом.

Зафира, погладив гриву Сахара, взяла себя в руки и направила жеребца в лесную тьму.

И та поглотила её целиком.

Зафира пыталась, пыталась и пыталась не осознавать зловещее приветствие леса, не слышать ласкающий уши шёпот. Не обращать внимания на бурление крови. На голод в жилах.

Жуткие и тёмные деревья с острыми блестящими листьями стояли непоколебимо. Вдалеке слышался топот: сарасинцы кричали, шли по пятам. Пока под копытами Сахара хрустели лозы из хрупких ветвей, перед глазами всё сливалось в сплошное пятно.

Вопреки гнетущему страху, Сахар оставался милостиво тихим, позволяя всаднице слышать врага. Сердце в груди громко стучало. Хотя у сарасинцев и леденела кровь в жилах, они, движимые опасной гордостью, несмотря ни на что, *следовали* за Охотником.

Вскоре лес окутала тишина. Так случается, когда лезвие вырывается из ножен; когда после воя ветров наступает умиротворение.

Всадники исчезли.

Впервые Зафира оценила устрашающую и неизмеримую причудливость Арза, смывшую с пути сарасинцев. Теперь всадники могли находиться на расстоянии лиг, и ни она, ни они никогда о том не узнали бы. Таков был Арз. Вот почему многие люди, ступившие на здешние земли, никогда более не возвращались. Они просто-напросто не могли *найти* дорогу домой.

С востока донеслось чуть слышное шипение, отчего Сахар замер на месте. Хотя в крошечной тьме Зафира едва различала белую накидку коня, годы опыта сделали слух острее любого клинка. На просторах Арза Зафира смотрела ушами.

В тиши раздался звук шагов; температура воздуха упала ещё ниже.

– Пора домой, – пробормотала Зафира.

Сахар, вздрогнув, устремился вперёд, ведомый рукой всадницы и торопливым шёпотом в её сердце. Он был рад выбраться из проклятого леса.

Тьма отступила, и на смену ей пришли нежно-голубое небо и далёкое солнце. Ноздри Зафиры ужалил мороз, сдобренный ароматом металла с ноткой янтаря. Сердце окутала зияющая пустота.

Похоже, сарасинцам не повезло. Как давно их троица переступила границы Арза? Кажется, прошло не больше двадцати минут, но положение солнца заверяло, что с тех пор миновало не менее часа.

Зафира не хотела знать, действительно ли султан послал за ней. А если это и так, то *какова причина*. Именно *причина* вызвала у Сахара внезапную тревогу. Он будто ответил ей: «*Всему своё время*».

Там, где ранее ждали боевые кони, снег стал ровным и...

Зафира дёрнула поводья.

На фоне белых равнин стояла женщина.

Худые плечи и длинный красный наряд скрывались под громоздким серым плащом – нет, то был не серый цвет, а цвет мерцающего *серебра*. Приподнятый капюшон едва покрывал жёсткие, белые как снег волосы. Багровые, почти кровавые губы искривились в улыбке.

Зафира могла поклясться, что секунду назад женщины на этом месте не было. Сердце в груди пустилось в галоп.

Арз развращает праздный ум.

– Кто бы знал, что ты так спешно убиваешь, – шёлковым голосом протянула незнакомка.

Неужели Арз даровал голоса своим иллюзиям?

– Я не убийца. Я бежала от них, – заверила Зафира, чуть позже сообразив, что не должна реагировать на мираж. Она ведь не убивала всадников? *Или убивала?*

– Умно. – После недолгой паузы женщина улыбнулась. – Значит, ты и правда выбираешься из леса в целости и сохранности.

Пока плащ женщины развевался на ветру, тёмные глаза поглядывали в сторону деревьев со странной смесью трепета и, *святые небеса*, обожания!

Женщина, то ли реальная, то ли нет, дрогнула, а затем снова застыла.

– Арз очень похож на Шарр, ведь правда? – Незнакомка покачала головой. Каждое её движение казалось продуманным.

При упоминании Шарра в жилах Зафиры закипел страх.

– О, что за дерзость с моей стороны, – продолжала женщина. – Тебе ведь не доводилось бывать на острове.

«*Я, верно, грежу?*» – хотела спросить Зафира, но вместо этого с губ слетел иной вопрос:

– Кто вы?

Сцепив голые пальцы, женщина одарила Зафиру сияющим взглядом. Разве жгучий холод не касается её рук?

Зафира крепче сжала поводья.

– Скажи мне, зачем ты охотишься?

– Чтобы прокормить народ, – выпалила Зафира. Спина уже болела, а от оленя начало смердеть.

Женщина, прищёлкнув языком, слегка нахмурилась, отчего Сахар задрожал.

– Брось лукавить. Разве не каждый из нас преследует собственные цели?

Зафира, должно быть, моргнула, потому что женщина неожиданно приблизилась. Ещё один миг (несмотря на все усилия не закрывать глаза) – и незнакомка отпрянула.

– Слышишь львиный рык? Внимаешь его зову?

«*Откуда выползла эта сумасшедшая?*»

– На рынке есть таверна, если ищете арак, – заявила Зафира, хотя её обычной прямоте и мешало сдавленное горло.

Женщина рассмеялась, и звон её голоса успокоил порывы ветра. Картинка перед глазами помутнела; снег укрылся тенью. Чёрная мгла стала просачиваться в белый покров, потянула к лодыжкам Зафиры свои щупальца.

– О, почтенная Охотница, подобные мне женщины не нуждаются в питье.

Охотница. Поводья выскользнули из рук Зафиры.

– Как... – Слова так и прилипли к языку.

Губы женщины дрогнули в улыбке, а вместе с ними – сердце Зафиры. Ухмылка будто кричала, что незнакомка знает секреты Охотницы. И знание это предвещало опасность.

– Ты всегда находишь обратную дорогу, Зафира бинт Искандар, – продолжила женщина. Она выглядела грустной, хотя в блеске глаз таилось что-то иное. – А ведь должна потеряться, проклятое дитя.

Незнакомка повернулась, сверкнув серебряным плащом, и Зафира, должно быть, снова моргнула.

Потому что женщина исчезла.

Сердце сжалось в груди. Её имя. Эта улыбка. И вот, спустя миг, не осталось и следа от чёрных теней или серебристого плаща. Снег вновь стал чистым; когти в сознании ослабили хватку.

И тогда Сахар бросился прочь.

Вскрикнув от неожиданности, Зафира нащупала поводья, чтобы не рухнуть на снег. Сахар продолжал безумный галоп, пока они не достигли вершины склона и наконец не остановились.

Зафира, ругаясь, дёрнула поводья. Сахар с гордым фырканьем склонил голову.

«Нужно успокоиться. Трезво оценить ситуацию».

Зафира ещё раз оглянулась на бескрайний лес, однако женщины и след простыл. Всё выглядело так, будто Зафире почудилась встреча.

Возможно, так всё и *было*. Зафира, зная Арз лучше остальных, отдавала себе отчёт, что никто и *никогда* не узнает его тайны. Поверить в его злобу – накликать мучительную смерть.

«Слышишь львиный рык?»

Нет, рык Зафира не слышала. Из темноты манило что-то иное. Что-то, что росло с каждым её появлением, как будто душа цеплялась за Арз и пыталась вернуться обратно.

Зафира вздохнула. Женщина, похоже, оказалась не чем иным, как последствием сильного изнеможения.

Теперь же Зафире грозило опоздание. Ощувив прилив раздражения, она развернула Сахара. Настала пора надеть платье и присоединиться к свадьбе.

Глава 2

Люди умирали, потому что он жил. И если для того, чтобы идти вперёд, нужно мारать руки в крови, значит, так тому и быть.

Три ночи назад на соседний халифат Деменхур обрушилась суровая метель, и в Сарасине оттого стало прохладнее. Зной пустыни в совокупности со своенравным холодом сковывали кости, да только выбора всё равно не было. Так или иначе, Насиру приходилось оставаться вдали от родной Крепости – маленького клочка земли, откуда султан правил пятью халифатами Аравии.

Миссии в Сарасин всякий раз вызывали необъяснимую ностальгию. Родившись в этих местах, Насир никогда не жил здесь, и халифат казался ему одновременно знакомым и чуждым.

Насир заглядывал сюда лишь с одной целью: убивать.

Лейл, столица Сарасина, изобиловал вооружёнными людьми в тюрбанах лазурного цвета. На страже у ворот, ведущих в окружённый стенами город, стояли три здоровяка. Вместо плотно прилегающих штанов с бёдер свисали пышные шальвары; мускулистые руки блестели бронзой. В воздухе пустыни витал мускусный запах горячего песка; по ветру разносились болтовня детей да брань их родни.

Изучив часовых, Насир с тяжёлым вздохом соскользнул со спины кобылы. Какой смысл драться с ордой простолюдинов?

– Что ж, придётся идти длинным путём, – проворчал Насир, похлопывая Афью.

Кобыла лишь фыркнула в ответ и спустя миг была привязана рядом с сонным верблюдом. Лошадь, по праву принадлежащая матери, была названа в честь любимой Сестры, одной из шести Сестёр Забвения.

Забравшись на грудь ветхих ящиков, Насир принялся перепрыгивать с навеса на навес, балансируя на выступающих камнях. В ушах до сих пор отзывались приказы султана. Голос Гамека напоминал змею, коварно проникающую в вены, наполняющую сердце ядом.

Насир перелез через стену, с присущей ему лёгкостью прыгнул на ближайшую крышу, обошёл раскинутый в центре богатый ковёр и разбросанные подушки цвета драгоценных камней.

Небо Сарасина, такое же мрачное, как и мысли Насира, во все времена было затянуто серой пеленой. Лишь грядущие верблюжьи бега внесли краски в столь хмурый пейзаж. Сама гонка Насира мало интересовала. Он прибыл в Лейл только ради удачного прикрытия. И человека, которого предстояло убить.

Насир перепрыгнул на очередную крышу и внезапно отпрянул, когда в лицо ему чуть не угодил острый клинок. Девочка лет тринадцати от роду, ахнув и отскочив назад, уронила на пыльный известняк один из своих парных скимитаров⁸, тем самым прервав тренировку. Насир чуть было не выпустил из наруча выдвижной клинок... но передумал. Последнее, что ему было нужно, – убивать без надобности. *Как будто надобность в убийствах вообще существовала.*

Вместо расправы Насир лишь поднёс палец к губам, но изумлённая девочка не могла унять любопытство. В полном восторге она рассматривала многослойные чёрные одежды с узором из чистого серебра. Облегающие рукава заканчивались кожаными наручами. В складках таились клинки. Традиционный серый пояс на талии скрывался под широким кожаным ремнём, куда крепились ножи меньшего размера и сабля. *Облачение наёмника.* Костюм был создан в Пелузии – халифате, столь же развитом в механике, как и в сельском хозяйстве.

---

⁸ Обобщённый европейский термин для различных восточных сабель.

– Хашашин? – шепнула девушка, как будто ручаясь сохранить в тайне присутствие незнакомца. Змееобразная манжета охватывала её предплечье; голубые глаза сверкали, как драгоценные камни.

Насир хотел было ответить благоговейному голосу, хотел сказать, что жизнь наёмников *благородна*.

Прежде, когда хашашин танцевал, гибли нечестивые, приходили к власти купцы, торговля обращалась в прах. Вспышки клинков положили начало переменам. Когда-то хашашины считались поэтами убийств. Честью и верой жили они.

Вот только было это задолго до Насира. Нынче Насир не жил, он существовал. И никто не замечал разницы, пока бытие их не подходило к концу.

Девушка с белокурой чёлкой до бровей улыбнулась. По стандартам сарасинцев её волосы были слишком светлыми, но в здешних краях нередко доводилось встретить беловласых деменхурцев, особенно женщин. И неудивительно: ведь халиф Деменхура относился к ним предвзято и выносил бы обвинения даже за старость, если бы только мог.

Девочка подняла скимитар, продолжая достойные похвалы манёвры. Столь умелые руки гарантировали бы ей желанное место в доме убийц, однако Насир предпочёл смолчать. В его мире, где любой человек мог стать пищей для червей, слова – нежеланные попутчики.

Насир, поспешно скользнув мимо, перепрыгнул на следующую крышу, ведущую к домам из жёлто-коричневого камня. Если не считать редких верблюдов, улицы внизу пустовали. С карнизов свисали пыльные фонари; стёкла их давно разбились вдребезги.

Вскоре крыши закончились, и Насиру пришлось спуститься на главный рынок Лейла, на просторах которого раскинулись прилавки с шаткими ножками. Рваная ткань самых разных оттенков прятала товары от скудных солнечных лучей. В душном воздухе витал запах пота. Обнажённые по пояс уличные мальчишки шныряли под столами и между полосами ткани, пока немалочисленная толпа собиралась у прилавков. Здесь, на рынке, призрачный пейзаж заметно оживился.

В полдень людей прибавилось. Резкие запахи мускатного ореха и сумаха переплетались с ароматом мясного мартабака. Торговцы обслуживали рабочих, добывающих уголь и другие полезные ископаемые в одном из наихудших мест Аравии: пещерах Лейла.

Продавцы неугомонно нахваливали товар: яркие ткани, приглушённые тусклым небом; разноцветные пряности, достаточно пёстрые, чтобы разукрасить папирус; резные каменные тарелки с замысловатыми узорами, в которых Насир не видел никакого смысла.

Протиснувшись мимо группы женщин, Насир чуть не налетел на торговца солью. Окружённый мешками с ценным товаром, он сидел на ковре, скрестив ноги, и держал на плече зоркого сокола. Изнурённый мужчина с широченной улыбкой незамедлительно поднял глаза, взволнованный перспективой нового клиента.

Но стоило ему увидеть одежды Насира, как блеск в глазах превратился в страх.

Другие покупатели тоже обратили внимание на незнакомца, какая-то женщина уронила на землю только что купленный мешок с зерном. Насир, опустив голову, последовал дальше. В непосредственной близости от людей уши улавливали шёпот. Некоторые из покупателей даже осмелились бросить в его сторону любопытные взгляды. Они знали, зачем Насир явился в Сарасин в одеяниях хашашина.

А потому он сделал вид, что не заметил, как выронил мешочек с динарами. Серебро рассыпалось по пыльной дороге, лишившись всякого блеска.

Так будет лучше. В глазах мирных жителей следовало соответствовать жестокости султана Гамека. Впрочем, Насиру не приходилось притворяться. В каком-то смысле он действовал хуже.

Как бы то ни было, сарасинцы давно привыкли к сопровождающей их жизнь безысходности: их халифа только что убили, а земли неправомерно захватил султан. Тем не менее, вопреки всем трудностям, народ не выказывал излишнего беспокойства.

«Восстаньте же!» – мысленно требовал Насир. – *Бросьте вызов! Боритесь!»*

Самоуничтожение лишило его голоса.

«А сам-то? Сам-то бросишь вызов султану?»

Всех, кто осмеливался пойти против правителя, Насир собственноручно убивал.

Наконец он добрался до переулка, расположенного в противоположном конце рынка. Девочка, моргнув большими серыми глазами, поспешила спрятаться в тени, подняв за собой облачко пыли. Барханные котята с изогнутыми хвостами юрко сновали по песку. Осыпаящую стену покрывал рваный папирус с романтическими стихами какого-то дурня, который возлагал на жизнь слишком большие надежды.

Мать Насира неустанно твердила, что человек без надежды – лишь тело без души. Потеря Сестёр почти столетие назад оставила людей без волшебства, от которого зависела вся Аравия. И здесь, где песок обратился золой, а небо никогда не прояснялось, давно уже не было надежды ни на кого, тем более на Насира.

Скрипя сапогами по песку, из темноты явился стражник. Насир с холодным безразличием уставился на обнажённую саблю.

– Стой, – приказал страж, выпячивая грудь, а затем и видный живот.

«Где эти дурареи находят еду?»

– Поздно для требований, – без лишней тревоги возразил Насир и тут же щёлкнул механизмом наруча.

– Ты оглох? *Стой* где стоишь! – рявкнул стражник с гордо поднятой головой.

Насир решил преподать ему урок. Во мраке сверкнуло лезвие клинка.

– Какие жалкие последние слова.

Глаза мужчины заметно округлились.

– Нет! Погоди-погоди... У меня сестра...

Насир, развернувшись на полный оборот, резко уклонился от меча стражника, после чего вонзил клинок прямо ему в шею. Мгновение спустя он оттащил кровоточащий труп в темноту, поправил одеяния и продолжил путь к переулку, скользя пальцами по шершавой каменной стене в поисках зацепов.

«Когда всё закончится, я стану стариком».

Добравшись по стене до крыши с северной стороны рынка, Насир принялся перепрыгивать с одной на другую, пока не достиг самого роскошного и высокого известнякового городского сооружения, квартала Дар-аль-Фавды. Владельцы верблюжьих бегов были одной из известных группировок, на которую покойный халиф из раза в раз закрывал глаза.

На бежевом каменном полу выстроились резные ширмы, за которыми виднелись пышные подушки нежных оттенков. В стороне, окружённый чашками без ручек, стоял традиционный кофейник далла. На посуде остались тёмные кольца. Повсюду валялись простыни и шёлковые платки. Насир знал, что происходило на этих крышах, и был рад, что правильно выбрал время.

Отбросив в сторону груды шёлковых подушек, Насир присел на корточки у края крыши. Серое небо ничем не выдавало истинного времени суток, но внизу, в вадии⁹, где вот-вот должна была состояться гонка, начинала собираться толпа: сарасинцы с тёмными волосами, смуглой кожей и печальными глазами. *Его* народ.

Глупые люди, которые пришли сюда, чтобы опустошить ларцы, сделав ставки на верблюдов.

С пренебрежительным вздохом Насир взглянул на шатры.

---

⁹ *Вади* – арабское название сухих русел рек и речных долин.

«Где же он?»

В поисках конфеты, оставшейся с прошлой ночи, Насир запустил руку в карман, да только вместо сладости нащупал прохладную круглую поверхность. Большим пальцем он погладил плоскую мозаику из верблюжьей кости. В одеждах Насира хранились солнечные часы, тусклые от старости, лазурные от окисла; стекло их давно треснуло. Когда-то они блестели на ладони султанши...

«Не время для воспоминаний, болван».

Насир, вздрогнув от эха отцовского голоса, вытащил мятую обёртку с финиковой конфетой.

При помощи маленьких радостей, как, например, отложенная на потом конфета или старые часы из прошлого, Насир напоминал себе о человеческих слабостях.

«Куда пропал треклятый мальчишка?»

К тому времени верблюдов уже вели в сторону арены, а Насиру следовало спуститься до того, как толпа станет непроходимой. Он нетерпеливо барабанил по камню, окутывая пальцы кремовой пылью.

«Я порву на куски этого...»

Неожиданно раздался скрип, и люк открылся. Насир повернулся к источнику шума. Спустя миг на крышу поднялся мальчик с острыми локтями. Барханный котёнок приветственно замыкал и принялся тереться о грязные ноги.

– Гляжу, ты не торопился. – Насир приподнял бровь.

– Я... Не сердчайте, прошу. Фавда-эфенди меня не пускал.

Смуглая кожа мальчика-слуги была измазана грязью. Владельца Дар-аль-Фавды не считали уважаемым человеком, но раз мальчику вздумалось удостоить его титула эфенди, значит, так тому и быть.

– Всё готово, господин, – заверил мальчишка, как будто открыть тайну, где найти нужного Насиру человека, было грандиозной задачей.

Насиру понравилось, что мальчик не боялся разговоров. Страшился ли слуга самого Насира? Вероятно. Но *разговаривать* с ним не трусил.

Насир подыграл ребёнку, чуть кивнув.

– Благодарю тебя.

В ответ на благодарность мальчик выразил непомерное изумление, и, пока гордость раздувала его маленькую грудь, Насир любезно протянул финиковую конфету. Ахнув от удивления, юнец с потрескавшимися губами осторожно потянулся пальцами и с очевидным напряжением развернул восковую обёртку. Когда ребёнок слизнул сахар с грязных пальцев, у Насира сжался живот.

Всё, что ему доводилось видеть раньше, не выходило за рамки крови, слёз и тьмы. Но теперь... Надежда в глазах мальчишки; грязь на его лице; выступающие кости...

– Вы не могли бы... оказать ещё одну милость?

Насир моргнул, не веря ушам. Никогда прежде он не слышал, чтобы кто-то просил *его* о милости.

– Дети – рабы этих гонок, – осмелился мальчик. – Вы можете дать им свободу?

Насир бросил взгляд на вади, на детей.

– Не погибнут в гонках, так умрут в другом месте, – безразлично ответил он.

– Вы это не всерьёз, – заявил мальчик после долгой паузы.

С удивлением Насир обнаружил вспыхнувший в тёмных глазах гнев.

«И пусть сей огонь никогда не потухнет».

– Спасения ждут лишь герои-глупцы. Угощайся, ребёнок, и не думай ни о чём.

Своему же совету Насиру стоило последовать ещё много лет назад. Он повернулся, не сказав больше ни слова, и спрыгнул с крыши на землю.

Рядом слонялись стражники, одетые в шальвары и чёрные тюрбаны. Старшие из них носили простые таубы¹⁰ до щиколоток и щеголяли густыми усами. Насир никогда не понимал столь ужасной моды на усы без бороды, зато *эти* вояки решили, что чем длиннее, тем лучше.

Недолго подождав в тени финиковой пальмы, Насир пригнул голову и слился с группой пьяниц, держащих путь на скачки. Они прошли мимо букмекеров, сидящих на низких стульях, и болельщиков, проклинающих заработанные гроши, которые ради азарта недолговечной игры пустили на ветер.

Лёгким шагом верблюды двигались в сторону вади. Дети в пыльных шальварах не отставали. Пальцы Насира дёрнулись, когда мужчина внезапно ударил мальчика кнутом. Пока из обиженных глаз струились слёзы, ребёнок потирал покрасневшее плечо.

Только в Сарасине месья воспитывалась с самого рождения.

Очень немногие возражали против участия детей в скачках, ведь чем легче всадник, тем быстрее верблюд. Поэтому жестокость по отношению к детям неумолимо продолжалась. Кровь в жилах Насира начала закипать, однако он успокоил дрогнувшие пальцы.

Чудовища не несут обязательств перед невинными.

Как только его пьяные спутники наконец-то достигли толпы, Насир, стиснув зубы от злобония, ускользнул прочь. Он протискивался мимо ликующих людей, обходил стороной барханных котят и детей, ищущих объедки.

Наконец Насир добрался до шатров.

Те немногие, куда он заглядывал, оказались пусты. Внутри располагались традиционные места с подушками для частных переговоров или личных мероприятий. Но вдруг Насир заметил оставленный мальчиком красный платок. Он лежал на камне возле седьмого шатра.

Рука потянулась к сабле.

Насир не знал свою жертву. Человек мог быть молодым или же стоять на пороге естественной смерти. У него могли быть дети, которым предстоит смотреть в безжизненные глаза и взывать к душе, что никогда не вернётся.

У жертвы есть имя.

И оно нацарапано на спрятанном в карман клочке папируса.

Насир скользнул в шатёр. Бежевые стены придавали внутреннему убранству мрачный вид затерянной пещеры. В свете, струящемся сквозь прорехи в ткани, вихрилась пыль. На грязном от песка ковре всюду валялись свитки и книги, а над ними, склонившись и что-то выписывая при свете фонаря, сидел седовласый мужчина.

Гам и возгласы толпы усиливались. Скачки начались, перекликаясь с кряхтением верблюдов и криками детей.

Мужчина тёр бороду, бормоча что-то под нос.

Насир нередко задавался вопросом, почему он вдруг перестал сожалеть о людях, на убийство которых его посылали. В какой-то момент сердце прекратило воспринимать всю чудовищность деяний, и даже тьма, омывающая земли Аравии, не имела к тому причастия. Таков был выбор *Насира*.

Он сам очернял своё сердце.

Наблюдая за спокойным поведением мужчины, Насир решил убить его, не поднимая шума. Однако заметил на свитках тексты, написанные на древнем сафаитском языке. Среди них был даже рассказ об умершем Ночном Льве, человеке смешанных кровей, который в надежде на трон Аравии устроил кровавую резню.

Историк. Мужчина, сидящий перед Насиром, был всего лишь историком. *И за это* его ждала гибель?

Насир глубже погрузил ногу в хрустящий песок.

---

¹⁰ *Тауб* – мужская одежда, похожая на халат с длинными рукавами.

– Ах, вот и ты. Долго же ты искал меня. – Историк поднял глаза.

В груди Насира вспыхнуло раздражение. Редко когда жертва вступала в разговоры, даже не пытаясь сопротивляться.

– Я не охотник. Я убиваю по приказу.

Мужчина улыбнулся:

– Правильно, хашашин. Но стоит одной голове упасть с плеч, остальное – вопрос времени. Ты уничтожил халифа, и с тех пор, будучи его советником, я ждал твоего появления.

Глаза мужчины преисполнились теплом, и Насир вдруг осознал, что добрый взгляд предназначается *ему*. Он был как благодарность слуги на крыше, только *в сто раз* хуже.

Никто не должен проявлять доброту к своему убийце.

– Овайс Хит, – едва слышно промолвил Насир. Имя, которое покоилось в кармане.

Голос старика будто намекал на принятие финала, отчего горькая ненависть вонзила клыки в сердце Насира.

Овайс был здесь ради детей, которых пытался освободить. К сожалению, он вынашивал и другие планы. Те, которые не имели ничего общего с покойным халифом. Любопытство вспыхнуло в душе Насира, ибо речь шла о предательстве. А в Аравии, если ты неверен султану – смерть неминуема.

Историк кивнул:

– Что ж. Покончи со мной. Но знай, что на мне всё не закончится.

– Вы толкуете об измене. Вся ваша работа – измена.

Насиру не следовало проявлять снисхождение. Ему стоило убить старика прежде, чем тот поднял свои карие глаза, а любопытство взяло верх.

Что за измена в изучении истории?

– А кто вершит правосудие над предателем султаном? – спросил Овайс. – Гамеку не надлежало убивать халифа, каким бы жестоким он ни был. Султан не имел права захватывать землю и прибирать к рукам армию Сарасина. Мы – один из пяти правящих халифатов. Подумай об этом, мальчик. Если в его владении находятся пять халифатов и султанская гвардия, зачем ему армия? Люди хранят молчание, опасаясь, что налоги взлетят. Да, на время мир восторжествовал, но ради чего? Моя работа лишь раскрывала причину перемен. Я рассуждал о том, почему на месте доброго султана вдруг появился тиран. Наша султанша никогда не связала бы жизнь с таким тёмным человеком. Что-то шевелится в тени, мальчик. И совсем скоро смерть станет наименьшим из наших кошмаров. – Овайс приподнял подбородок, обнажив морщинистую шею. – Покончи со мной, но помни, что работа моя продолжится через других. Возможно, однажды она продолжится через тебя, и Аравия вернётся к прежнему великолепию.

Слова его казались невозможными, ибо с рук Насира давно не смывалась кровь. Сердце его оставалось таким же чёрным, как то, которое Овайс надеялся исправить. Чего бы этот старик и его соратники ни пытались достичь, жизни их продлятся недолго. Благодаря Насиру число их сокращалось с каждым днём.

Сабля Насира запела, когда он освободил её из ножен. Овайс, вздохнув, надел на голову тюрбан. Карие глаза, окружённые складками стареющей кожи, ярко сверкнули в блеске лезвия; на губах вновь засияла улыбка. В тот же миг Насир вспомнил султана и сложенный в его руке папирус; вспомнил предупреждение Овайса. Он понимал всю абсурдность убийства. Абсурдность убийства человека за чтение.

Но он никогда не оставлял работу незавершённой.

Холодный металл коснулся кожи старика, и дыхание его тотчас перехватило. То был последний всплеск эмоций, прежде чем рука Насира пришла в движение, и кровь историка хлынула из раны. Где-то дети теряли отца. Внуки теряли самую большую любовь.

Вытащив перо из складок одежды, Насир обмакнул его в алую кровь и положил на грудь мертвеца.

Любой, кто увидит перо, сразу узнает убийцу Овайса. Узнает и поймёт, что месть невозможна.

Хашашин присел на корточки, закрыл мужчине глаза, поправил тюрбан.

– Покойся с миром, Овайс Хит мин Сарасин.

В последний раз наполнив лёгкие привычным запахом крови, Насир направился прочь.

Шатёр он оставил открытым, чтобы люди знали о смерти историка. Это была единственная честь, которую он мог оказать им: он позволил достойно похоронить старика. Пускай люди никогда не сочли бы Насира союзником, но в тот момент хашашин чувствовал, что так оно и есть.

Они были правы, ненавидя Насира, ведь хашашин убил больше, чем мог сосчитать. Когда-то это имело значение, но теперь убийство превратилось в рутину. Ещё один взмах сабли. Ещё одна поверженная душа.

Для народа он не был Насиром Гамеком, наследным принцем Аравии. Нет. Он был чистильщиком.

Принцем Смерти.

Глава 3

Шесть Сестёр Забвения стали причиной, по которой в Деменхуре всегда и во всём винили женщин. Зафира знала истину, и она ранила её подобно незаживающей язве.

Это слово, *Охотница*... Точно шип оно вонзалось в рану, вызывая желание стиснуть зубы. Зафира всегда была Охотником; всегда называла себя *Охотником*. Пусть она и убеждала себя, что лишь вообразила женщину в серебряном плаще, иллюзия стала напоминанием: что бы Зафира ни делала, её всегда обвинят.

Точно так же, как обвинили Сестёр Забвения. Сестёр, которые поставили на карту собственные жизни, чтобы привести даамову Аравию к процветанию. Теперь же о них вспоминают лишь тогда, когда слагают притчи о позоре.

Будь Сёстры мужами, Аравия не лишилась бы волшебства. Будь Сёстры мужами, не легло бы на халифаты проклятие, и всё бы осталось по-прежнему. Так, во всяком случае, проповедовал халиф Деменхура.

Зафира же думала иначе.

Стоя вместе с Сахаром на холме между родной деревней и Арзом, больше всего на свете она мечтала стать собой. Она верила, что негоже рассматривать женщин как недееспособных созданий, какими их видели мужчины Деменхура. Зафиру утешало лишь знание, что не все пять халифатов придерживаются столь извращённых взглядов. В Зараме, например, женщины сражались на аренах наравне с мужчинами. В Пелузии и вовсе правила женщина, окружённая Девятью Советницами.

Зафира нащупала капюшон. Покончи она с маскарадом, не слышать ей больше похвалы. Разом все достижения обратятся в поводы для обвинений.

Дурное предчувствие грядущих трудностей не давало Зафире покоя.

«Что за мрачные мысли в столь светлый день свадьбы?»

В поле зрения появилась одинокая фигура, и Зафира испытала мимолётную тревогу, прежде чем разглядела мягкие черты лица и залитые солнцем локоны. Дин. Одна из четырёх душ, знающих о тайной личности Охотника Арза. Он ждал с клинком в руках, стоя непоколебимо против холодного ветра.

Зафира спешила, толкнула Дина в плечо.

– Настанет день, и ты вместе со мной отважишься бросить вызов тьме.

Дин улыбнулся, не сводя глаз с Арза, а после произнёс излюбленную фразу:

– Но не сегодня.

Хлопья снега припорошили его кудри. Щёки с ямочками порозовели от холода; зелёный плащ вздыбился в области рук, накачанных за несколько месяцев в армии.

– Что так долго? – Дин сморщил нос. – Ясмин снимет тебе голову с плеч.

Зафира скривила губы.

– Точно не тогда, когда увидит оленя, которого я поймала к свадебному пиру.

Дин и его сестра Ясмин обладали одинаковой нежной красотой. Волосы, сияющие, как полированная бронза; округлые черты лица; тёплые карие глаза. Дин был красив как внутри, так и снаружи. Однако после смерти родителей он старательно изображал ненавистную Зафире улыбку, едва скрывая блуждающее в глазах мучение.

Красоту Дина омрачала лишь морщина на лбу. Зафира знала, что он плохо видит её лицо за капюшоном и шарфом, но, судя по его беспокойству, юноша видел достаточно.

– Ты в порядке? В лесу что-то случилось, я прав?

– Чуть напугалась, – ответила Зафира с улыбкой. Дин слишком хорошо её знал. – Тебе ли не знать, как это бывает.

Что-то промывав, Дин бросил взгляд в сторону тёмного леса.

– Он приближается?

Вопрос не требовал ответа. С каждым днём Арз становился всё ближе, острыми корнями расширяя границы, поглощая землю. Ежели деменхурцы полагали, что причиной гибели их станет бесконечный снег, – они глубоко заблуждались. Наступит день, и Арз поглотит их халифат, как и всё *королевство*, оставив за собой лишь шёпот кошмаров и чудищ.

– Прошлой ночью мне снился Шарр. Как будто я там очутился.

Зафира застыла. *Шарр*. Какова была вероятность дважды за утро услышать название этого заброшенного места? Шарр слыл островом зла, краем, от которого предостерегали в ночи при мерцании фонаря. Недосыгаемым страхом, живущим по ту сторону Арза.

В прошлом, ещё до исчезновения Сестёр и волшебства, Шарр служил крепостью-тюрьмой. Нынче остров превратился в дикого, необузданного зверя со свирепствующими оазисами. Он тянулся к Аравии при помощи Арза, где каждое дерево воплотилось в стража его армии.

– Былые времена видел? Тюрьму?

Дин покачал головой. Взгляд стал отстранённым.

– Я попал в ловушку внутри громадного дерева. Мне грезилась тьма, похожая на дым. Шепчущие голоса. – Дин, сморщившись, взглянул на неё. – Много голосов, Зафира.

Она смолчала о шёпоте, который сопровождал каждое мгновение её жизни.

– Не имею понятия, что это значит, но зачем было являться ко мне именно сегодня? – Дин вздохнул.

– Сегодня, по крайней мере, у тебя появится отличный шанс отвлечься и не думать об этом. – Зафира коснулась руки Дина, и он обвил мизинцем её мизинец.

– Неужели я слышу оптимизм?

Зафира рассмеялась.

Стоило им свернуть к деревне, хрустя сапогами по льду, как лицо Дина тотчас обрело серьёзность.

– Помнишь Инаю?

– Дочь худого пекаря?

Никто в западных деревнях не пёк хлеб настолько отвратительно, как это делал худой пекарь. Его дочь обладала тихим голосом, настороженными глазами и густыми, как львиная грива, волосами.

Дин кивнул.

– Несколько дней назад пекарь неудачно упал, и, кажется, он больше не сможет ходить. Говорят, что Иная хотела продолжить дело отца.

У Зафиры сжался живот.

– Поутру, когда Иная открывала магазин, к ней нагрянули люди старейшины. – Челюсть Дина заметно напряглась, отчего Зафире захотелось снять напряжение пальцами. – Я был там, продавал шкуры старому Адибу. Один из них вытащил Инаю, другой тем временем швырнул за стойку человека, очевидно никогда не месившего хлеб.

– А через несколько дней Иная выйдет замуж и станет для него *послушной женой*, – закончила Зафира.

Дин что-то пробормотал, подтвердив предположение.

Старейшина в одиночку правил деревней. Впрочем, главы других деревень ничем от него не отличались. Все они слушали чепуху халифа, которую никчёмный султан Аравии должен был зарубить на корню, но почему-то не думал этого делать. В большинстве случаев Зафира не понимала, какой толк был от султана, если халифам всё равно позволялось свободно командовать.

Хуже всего, что большинство жителей свято верили в каждое фальшивое слово. Если мужчины скажут, что жители деревни будут умирать от голода, когда женщина станет печь хлеб, они и в это поверят. Виной всему – простой предрассудок.

– П-ф-ф, Дин, ну вот зачем всё это? – Взгляд Зафиры вспыхнул от ярости. Сахар в ответ встревоженно фыркнул. – В прошлом месяце поймали другую девушку. Она рубила дрова в Пустынном лесу, где каждый даамов мужчина и дед рубят их. Как будто её руки покалечат деревья сильнее, чем снег.

Дин глянул на Зафиру.

– Тебя это волнует?

– Волнует ли это *меня*? – почти огрызнулась Зафира.

Дин улыбнулся:

– Временами я забываю, что ты другая. Просто будь осторожнее, ладно?

– Как всегда, – пообещала Зафира, подходя к дому Дина и Ясмин.

Дин кивнул на дверь.

– Сестра не знает. Сегодня не подходящее время для таких бесед. В особенности из-за барана-старейшины, желающего нагряться на её свадьбу.

Дин не ошибался. Ясмин бы собственноручно разорвала старейшину в клочья.

Зафира передала поводья Дину, и он ушёл, чтобы позаботиться об убитом олене. Девушка поднялась по двум маленьким ступенькам, но прежде, чем она успела постучать, покоровленная дверь распахнулась сама. На лице Ясмин читались беспокойство и ярость.

– А я-то надеялась, ты будешь улыбаться, – поддразнила Зафира, заходя в дом.

Ясмин только сильнее нахмурилась.

– О, я улыбаюсь. *Kharra*¹¹, я бы улыбалась ещё шире, если бы ты и вовсе пропустила свадьбу.

Зафира в ответ лишь цокнула языком. Тело в одночасье окутало тепло от очага, и она невольно вздрогнула.

– Ругаешься, как сапожник!

– *Уже почти полдень*. – Ясмин поджала губы. У неё, в отличие от брата, терпения никогда не хватало.

– *Sabar, sabar*¹². На то была веская причина.

Она задумалась о дочери пекаря, о свадьбе, которая не будет такой же счастливой, как свадьба Ясмин. Сбросив капюшон, Зафира распустила тёмные волосы и принялась растирать руки, чтобы ослабить укоренившийся в костях холод.

Баба рассказывал, что в былые времена жара стояла изнуряющая. Песок устилал дюны, а халифат был сродни оазису. Снег не представлял угрозы и выпадал от силы раз в год. Но настал день, и метель настигла их земли, решив остаться навечно. В тот день Деменхур, как и другие халифаты, утратил магию, некогда наполнявшую каждый из пяти королевских минаретов.

Зафира не знала той жизни. Когда-то с водоносных горизонтов поступала вода; лекари помогали раненым; кузнецы ковали металл. Теперь же волшебство исчезло, превратилось в мираж, а города лежали в руинах. И по мере того, как Арз разрастался, становилось всё хуже и хуже.

Каждому халифату досталось своё проклятие: снег напал на Деменхур; запустение – на Сарасин; разрушение почвы – на некогда плодородную Пелузию; неукротимые пески – на Зарам. Лишь только Альдерамин жил по-прежнему, эгоистично изолировав себя от остальной части королевства.

Приняв от Ясмин горячую тарелку чечевичного супа, Зафира села у очага и тут же потёрла грудь, чтобы унять растущую боль. Боль, которая появлялась всякий раз, когда она думала о волшебстве и о невозможности его ощутить. О том, что никогда песок не пощекочет её пальцы и не станет хрустеть под ногами, как нынче хрустит снег.

---

¹¹ Чёрт!

¹² Спокойно, спокойно.

Ясмин тоже села, подоткнув под бёдра длинное платье. Изрядно изношенный наряд не пестрел украшениями, однако Ясмин сияла даже в лохмотьях. Зафира и представить боялась, насколько великолепно будет невеста на свадьбе.

«Святые небеса. Осталось дожить до вечера».

– Я ожидаю *веской* причины для опоздания, – заявила Ясмин, пока чечевица таяла на языке Зафиры.

– Не знаю, уместны ли рассказы в день твоей свадьбы, – усомнилась Зафира.

Вопреки многодневной подготовке к торжеству, Зафира по сей день была не готова увидеть Ясмин с прекрасным сарасинцем по имени Миск Халдун. Одиночество в её доме станет невыносимо тяжёлым, лишив всякого сна. Больше нельзя будет свернуться подле Ясмин калачиком, точно потерянный ребёнок.

– Вот зануда. Как жаль тех несчастных, кто из ночи в ночь грезит о таинственном Охотнике.

– И вовсе я не зануда.

Ясмин рассмеялась.

– Бываешь иногда. – Вдруг она понизила голос до шёпота: – *Большую часть времени.*

Зафира нахмурилась.

– Не люблю, когда ты осторожничаешь, старушка. Но, – поддразнила Ясмин, – ходят слухи, что сам халиф поблизости! Прибыл в Палату Силаха!

– И что же здесь волнительного? – изумилась Зафира.

«Охотница».

Кровь забурилась в венах, когда в голове Зафиры раздалось эхо голоса женщины в серебряном плаще. А вместе с голосом нахлынули воспоминания о дочери пекаря. Неужели Айман, халиф Деменхура, узнал об Охотнике? В халифате не происходило ничего настолько интересного, чтобы затмить её деяния.

Ясмин толкнула подругу в плечо.

– Эй, а что, если он прибыл на свадьбу?

– Конечно же! – Зафира расхохоталась. – Старик проделал весь этот путь, чтобы посмотреть, как ты выходишь замуж! – Она наклонилась к огню, вдыхая тепло.

– А что, если он... Подожди-ка. Что случилось? – Ясмин приковала к Зафире кошачий взгляд; смех её утих.

Зафира, моргнув в изумлении, откинулась назад.

– О чём ты?

Ясмин наклонилась ближе. Лоснящиеся бронзовые волосы залились светом огня.

– У тебя лицо сморщилось, как сушёное мясо. От меня ничего не утаишь. Признавайся, что произошло в лесу?

Зафира облизнула губы. Брат и сестра Раады, зная её как Охотника Арза, сталкивались с собственными тревогами. Одна из них прямо сейчас формировалась в голове Ясмин.

– Я поймала довольно крупного оленя. Если приготовим мясо – накормим ещё больше людей. – Дохлебав суп, Зафира языком поймала последнюю чечевицу. Ясмин не стоило волноваться в день своей свадьбы. – Позволь мне помочь Дину.

Зафира хотела подняться, однако Ясмин резко дёрнула её за плащ, вынудив сесть обратно. Зафира преувеличенно вздохнула.

– Ты никогда не вызываешься помогать Дину. Думаю, он и без тебя разберётся, – отрезала Ясмин. – Расскажи мне, что произошло.

– Может, поговорим о чём-нибудь другом? О Миске, например, – с надеждой предложила Зафира.

Ясмин, раздражённо фыркнув, бросила на колени одну из трёх рваных подушек. В своё время они принадлежали родителям Ясмин и Дина, аптекарям, которые встретили свою поги-

бель много лет назад во время нападения халифа Сарасина на границы Деменхура. Халиф убивал жителей или уводил их в плен, оставляя за собой целые лиги опустевших домов. Родители Ясмин и Дина попали в первую категорию.

Дин после их смерти как будто в бездну провалился. Стал призраком среди живых; бродящим на свободе заключённым.

В прежние дни он был солдатом, но то было давно. Увидев гибель близких, даже худший из мужчин покинул бы обречённую на смерть армию. Не то чтобы он дезертировал. Не то чтобы остальную армию это заботило.

– Зафира, прошу тебя, – настаивала Ясмин, пока свет от огня отбрасывал тени на её лицо.

Боль в её голосе царапала сердце.

– Ты же знаешь, что в ближайшее время у нас может не оказаться шанса побыть вместе. Посидеть вот так бок о бок, наедине.

Зафира зажмурилась. Святые небеса, она и без лишних напоминаний знала об этом. Ясмин безумно любила Миска, и он обещал ей лучшую жизнь. Зафира не завидовала их любви, поскольку за те многие луны, которые Миск провёл в ухаживаниях за Ясмин, она научилась принимать их союз. Однако свадьба – это другое. Свадьба – это *финал*. Зафира не ведала, как продолжать дружбу, если сестра её сердца отныне не будет одна.

Зафира открыла глаза. Ясмин по-прежнему не отводила взгляда, ожидая ответа.

– Я знаю, Ясмин. Я всё знаю. – Зафира прикусила губу, пытаясь подобрать слова. Лгать она не умела, посему решила, что маленькой правды будет достаточно. – На меня напали два сарасинца. Знаешь, в сравнении с их чудовищными лошадьми Сахар выглядел собакой. Я увела их в Арз... и сбежала. Мне кажется, они живы.

Пока что.

В луче света глаза Ясмин засияли, как зарамский мёд.

– Ты сбежала, а они – нет? Я всё правильно поняла? Почему они вообще там оказались? Они могли быть убийцами, Зафира!

И сомнений в том не возникало.

– Для хашашинов они слишком крупные.

– О, ты, значит, эксперт по размерам хашашинов? Сарасинцы знают, что делают.

– Если бы знали, то не пытались бы схватить меня и отвести к султану, – возразила Зафира. – Я не сделала ничего такого, за что меня стоило бы преследовать.

Брови Ясмин приподнялись.

– *Kharra!* Зафира! Это же султан! А если он пошлёт своего сына? У тебя нет шансов против Принца Смерти!

Зафира вздрогнула. Всякий раз, желая султану смерти, она получала напоминание о его преемнике. Список жертв наследного принца был настолько велик, что он, как говорят, перестал смывать кровь со своих рук.

– Почему, Зафира? – Ясмин повысила голос. – Почему ты не можешь остановиться? Хватит уже притворяться мужчиной и прятаться. Встреться с халифом и чиновниками и покажи им всем, кто ты есть на самом деле. Я уверена, они дадут тебе в помощь охотников. Ты помогаешь народу, и в этом нет ничего постыдного.

– Я никогда не утверждала обратного, – отчеканила Зафира. – Но разве халиф способен помешать планам султана?

Глаза Ясмин вспыхнули.

– Откуда тебе известно, что именно султан отправил сарасинцев? Мы не знаем, что творится в Сарасине в отсутствие халифа. Ты *не можешь* знать наверняка, чего хотели те люди.

Возможно, по халифатам поползли слухи о могуществе Зафиры. О таинственном человеке, что переступает порог тьмы, но всегда находит дорогу обратно.

Огонь в очаге зашипел, тени заплясали по комнате.

– Ты, верно, думаешь, что халиф возненавидит тебя за то, что ты женщина? – полюбопытствовала Ясмин.

Сей аргумент стал постоянным спутником Зафиры и весьма ей надоел. Ясмин сама видела, что творилось в деревнях, так почему не могла понять, что Зафира ничем не отличается от девушки, выпекающей хлеб?

– Нет, он не возненавидит меня, но исказит моё существование. Или ты решила, что они не переосмыслят мои достижения? Я ничем не отличаюсь от множества девушек, которые из раза в раз осуждаются мужчинами. Ты только послушай, как они отзываются о Сёстрах Забвения! Посмотри на наших женщин. Они слушают эту чушь и верят, что мы никчёмны и виноваты во всех грехах. Они считают, что должны потерять всякую свободу в браке... – Зафира остановилась; кожа запылала от стыда.

Ей стало неловко. Она поносила брак в день свадьбы Ясмин, понимая, что сестра её сердца так долго его ждала.

– Я ничего не теряю, выходя замуж за Миска, – спокойно ответила Ясмин. – Я, напротив, кое-что *обретаю*.

Однако Зафира, как и большинство женщин, не имела того, чем могла похвастаться Ясмин. Не было у неё мужчины, который любил бы настолько, что не мог бы выразить любовь словами. Мужчины, который считал бы её равной себе, а то и выше.

– Я не знаю, Ясмин, – прошептала Зафира, впившись ногтями в ладони и оставив на коже маленькие полумесяцы.

Она опустила глаза на узоры хны, протянувшиеся по рукам Ясмин. Гладкая кожа невесты сияла в свете пламени. Этого и ждали от женщин: красоты, замужества. Не женщин отправляли на охоту во тьму Арза. Не женщин просили потрошить животных и кормить жителей деревни.

Ясмин покачала головой:

– Я знаю. Неважно, кто ты. Ты есть сила. Почему ты должна поддерживать ложь и обманывать саму себя, прячась под мужской одеждой? Или ты тоже ставишь мужчин выше женщин? Подумай о девушках, которым сможешь помочь, оставаясь *собой*.

Воцарилось молчание.

– Чего ты ждёшь, Зафира? – резким шёпотом спросила Ясмин.

Схватив пустую плошку, Зафира отправилась на кухню. Женщины, которых Миск обещал прислать в помощь Ясмин, должны были прибыть с минуты на минуту. Но она не хотела, чтобы разговор вот так закончился.

Зафира и сама не знала, чего ждала. Но ведь был в её действиях смысл? Она хотела доказать что-то *ещё*.

Завоевание Арза казалось ей недостаточной целью.

Зафира отличалась от самоуверенной Ясмин, чья роскошная фигура, которой она *гордилась*, вызывала зависть у толпы. Зафира бежала от гордости. Бежала от самой себя.

Внезапно дверь распахнулась.

– Я снял с оленя шкуру, Ясмин, – крикнул Дин.

Зайдя внутрь и увидев у очага Зафиру, он расплылся в улыбке.

– О, ты по-прежнему здесь.

На правом носке юноши зияла дыра, обнажая один из пальцев.

– А-х-х, Зафира, – протянул Дин, вышагивая по потрескавшемуся каменному полу, – у тебя такой вид, будто Ясмин устроила тебе одну из своих знаменитых выволочек.

Зафира расхохоталась. В глазах Дина вспыхнула искра. Он опустил взгляд на губы девушки, но спустя мгновение перевёл его на собственные руки. У Зафиры перехватывало дыхание.

– Я за инструментом, – добавил Дин. – Олень чуть больше обычного.

– Неужели ты жалуешься? – поддразнила Зафира или, по крайней мере, попыталась поддразнить. Слова Ясмин и очевидное намерение Дина усугубляли и так непростую ситуацию.

– Никогда не посмею, – заверил Дин, наконец отыскав нож с большими зубьями. – Ещё увидимся?

– Только с позволения невесты. Ты ведь знаешь её нрав.

Дин, расхохотавшись, закрыл за собой дверь.

Воцарившуюся тишину нарушал лишь треск огня. Зафира выдохнула и, подняв глаза, увидела окутанную тенями Ясмин. Сестра её сердца стояла у двери, прислонившись к ней спиной. Внимательно глядела на Зафиру.

– Придёт время, и кто-нибудь раскрасит твои бледные щёки, – задумчиво обронила Ясмин.

– Даже не мечтай, Ясмин. Никогда прежде я не краснела, – возразила Зафира, ощутив внезапный прилив усталости.

Она снова разложила подушки, на этот раз очертив пальцем выцветший узор. Не видела Зафира в своём будущем ни брака, ни любви.

– Деменхурцы редко заливаются краской. Ты и сама не румяна. Но вот Миск... Он глядит так, будто всю деревню способен поджечь одним только взглядом.

Ясмин покачала головой.

– Есть на свете тот самый мужчина, Зафира. Я знаю наверняка. Возможно, такой же сварливый, как и ты. Однажды он заглянет в твои ледяные глаза, и ты покраснееешь и захочешь начать жизнь с чистого листа. Я уверена в этом.

Вот только печальный тон Ясмин не соответствовал столь обнадеживающим словам.

В один прекрасный день мать Зафиры встретила такого человека. Умм¹³ оставалась с Бабой до самой его смерти, а теперь *существовала* без жизни. Ни жива, ни мертва. Мысли о родителях разрывали Зафире душу и упорно напоминали, что она – всего лишь сломленная девушка, которая, притворяясь кем-то другим, пытается воспитать младшую сестру в слишком холодном для жизни месте. Сердце Зафиры по сей день пыталось собрать воедино разбитые части, чтобы вновь сделаться целым.

Кровь в её жилах текла с бесстрастием, а не с любовью или желанием жить в месте, где все улыбались и смеялись, пока холод поглощал тела, а отсутствие магии иссушало души. Где даже «Бакдаш»¹⁴ не закрывал свои двери для толп посетителей, и те по-прежнему скупали ледяное мороженое, дрожа от холода и жаждая тепла.

Зафира, собрав осколки разбитого сердца, сняла капюшон. Мысли о Бабе и Умм в одночасье исчезли. Ясмин была права. Зафира никогда не совершит подобной ошибки. Она никогда не позволит себе влюбиться.

Какой толк от любви, если однажды тебе суждено её потерять?

---

¹³ Мать.

¹⁴ Бакдаш – кафе-мороженое.

Глава 4

Новая смерть в списке Насира не возложила тревог на его душу. Напротив, ему стало легче. Наследному принцу стоило бы чувствовать вину за убийство человека, единственным преступлением которого было любопытство. Однако Насир убивал и за меньшее, оттого и не корил себя за содеянное.

На обратном пути Афья шла вяло, как будто знала, какой поступок совершил хозяин. Вскоре они миновали дома цвета тёмного песка, а затем и единственный флаг с гербом Сарасина, изображающим солнечное затмение и меч в его центре. Далее они пересекли границу между Сарасином и Крепостью султана. Разница была поразительной: небо прояснилось, солнце накалилось, пески обрели соломенный цвет.

На окраине Крепости выстроились облицованные жёлто-коричневым камнем дома с плоскими крышами, дверьми из тёмного дерева и медными арками, скрывающими правду об истинных трущобах. В поисках лучшей жизни люди со всей Аравии стекались в могучую столицу. Они стремились жить рядом с Султаном, бессмертным сафи¹⁵, спасшим королевство от краха после исчезновения Сестёр.

Султанша давно погибла, а её муж – отец Насира – был настоящим чудовищем. Вернее, *стал* настоящим чудовищем.

По мере приближения к дворцу количество домов уменьшалось, а их размеры, напротив, увеличивались. Здания обладали собственными минаретами, остроконечными медными куполами и каменными дорожками, ведущими в безупречные дворы. Но, несмотря на всё это, Насир сомневался, что живущие в них люди были счастливее тех, кто жил в трущобах.

Дорога, которой следовал Насир, не вела через рынок, что не могло не радовать. Меньше всего на свете принц хотел бы столкнуться с глухим молчанием и рухнувшими на колени обывателями. *Его* дорога была спокойной, хотя и вела мимо нескольких бродячих торговцев. Один из них толкал тележку, наполненную яркой хурмой, тёмным пелузианским виноградом и полупустыми мешками с оливками. Другой торговец вёз тележку поменьше с изделиями из серебра, держа путь в более богатый конец города.

Вскоре дорога раскрасилась знакомыми тенями. Представший перед глазами дворец, в отличие от чёрного сердца султана, был прекрасен. Перед Насиром раскинулась известняковая громада с детальной резьбой и оконными решётками, за которыми виднелись очертания теней. Своей красотой отполированный до блеска жёлто-коричневый камень не уступал возносящимся в небо минаретам. Золотые купола были инкрустированы сверкающим обсидианом, добытым на вулканах западного Альдерамина. Шпили куполов заканчивались изгибами, что походили на капли воды. Они служили напоминанием, что без воды люди являлись лишь добычей для голодных песков пустыни.

Стражи у чёрных ворот встали по стойке «смирно», как только часовой объявил о прибытии принца. Насир спешил, снял капюшон. Пробежав пальцами по непослушным волосам, чтобы стряхнуть песок, он бросил поводья одному из слуг.

– Убедись, что за ней будет должный уход.

– Слушаюсь, мой принц, – поспешил заверить стражник.

Пройдя через стрельчатую арку, Насир очутился в выложенном плиткой дворе. Первым же делом он погрузил палец в центральный фонтан, окрасив воду в розовый цвет. Причина, по которой султанша поручила соорудить фонтан в виде льва, для Насира до сих пор оставалась загадкой. Он никогда не расспрашивал мать; он просто ценил её жизнь, пока и ту не забрали.

---

¹⁵ Сафи – бессмертное существо наподобие эльфа, умнее и быстрее любого человека.

Подойдя к двустворчатой двери, Насир заметил, что стражники, схватившись за медные ручки, как один сглотнули. *Страх*. Который очень легко посеять и так же легко удержать.

Внутри царил тишина. Эхо шагов разносилось по залам. Тьма окутала Насира удушающим плащом. На позолоченном балконе горничные и слуги с поклонами разбежались по углам, как крысы. Тьма была настолько густой, что даже отличить крысу от человека не представлялось возможным.

Единственным спасением от мрака служили тусклые факелы, однако в их свете ничто не задерживалось надолго.

Насир направился к лестнице. Из противоположного коридора появился слуга с подносом. При виде принца на лице мужчины отобразилось изумление, и поднос с кофе опрокинулся на пол.

Слуга рухнул на колени и заскулил – *заскулил* – над серебряным подносом. Из медного кофейника дала растеклась тёмная жидкость.

Тысячи воспоминаний промелькнули в голове Насира вспышками давно забытого. Разлитый кофе. Разбитые чашки. Жгучая пощёчина.

Он сглотнул. Моргнул. Где-то между ударами сердца родилась слабость.

– Попадите меня, – почти пискнул слуга.

Мысли Насира застыли.

«*И не мечтай, болван*». Так, наверное, сказал бы султан.

– Молчи. И убери за собой. – Слова прозвучали тихо, равнодушно, но пульс при этом участился, как у испуганного ребёнка.

Две служанки поспешили на помощь, и Насир, не теряя времени, направился дальше. Ему и оглядываться было не нужно. Насир прекрасно знал, что измождённый слуга с закрытыми глазами кивает в знак благодарности за спасение от беспощадных побоев.

Принц стиснул челюсти. Каждый даамов раз, когда слуга ассоциировал его с султаном, Насир ненавидел себя сильнее.

– Насир! Как скоро вы вернулись! – раздался бодрый голос.

Принц зажмурился, чтобы успокоить закипающий гнев.

«*Когда я уже доберусь до этой проклятой лестницы?*»

Любимец султана, генерал аль-Бадави сиял волчьей ухмылкой, не обращая внимания на моющих пол слуг.

– Понравились дети на верблюжьих бегах? – спросил генерал, сверкая тускло-голубыми глазами. Гнев сковал его челюсть, отчётливо демонстрируя, *как* он относится к беспомощным детям на спинах верблюдов. Наконец-то его неприязнь была вызвана чем-то кроме действий Насира.

– У меня нет времени, Альтаир. – Насир повернулся, желая уйти.

– Так уж жадете встречи с султаном, а? Не терпится расцеловать его сандалии?

Насир загорелся желанием сорвать с головы генерала аккуратно уложенный тюрбан – который, к слову, он носил в точности как Насир – и засунуть ему в горло. Генерал, безусловно, заслужил звание красавца, однако его внутренний мир, периодически дававший о себе знать, был полон ненависти. Он как будто *родился* для того, чтобы ненавидеть Насира.

Насир же не мог возненавидеть Альтаира в ответ, потому что в недобрых словах генерала крылась правда.

– Ещё одно слово, и я перережу тебе горло, – прорычал Насир.

– Полегче, хашашин, – отозвался Альтаир, подняв руки. – Кстати, о хашашинах... Я обязан доложить, что убийцы, которых султан послал за Охотником из Деменхура, не справились с задачей. И не вернулись. Кто бы знал, что Охотник – хладнокровный убийца, во многом похожий на вас?

– Значит, теперь это моя работа? – Губы Насира сжались. Ему никогда не поручали *приводить* людей. Только убивать.

Альтаир, пожав плечами, коснулся кинжала на поясе. Генерал был чуть старше Насира, однако вёл себя как ребёнок, переводя всё в шутку.

– Султан приступил к плану *ba*¹⁶ и хочет вас видеть, чтобы потолковать о человеке по имени... *Хайтам*?

Так обычно и проходили их разговоры: Насир как мог игнорировал насмешки. Если бы Альтаир ненавидел принца только за статус, Насир с улыбкой отдал бы ему свой сан.

Генерал, пронаблюдав за реакцией ястребиными глазами, рассмеялся и зашагал по коридору с лёгкостью истинного принца. Последнее, что услышал Насир, – глубокий голос, вызывающий к одному из немногих праздных придворных.

– *Yalla!* Неси моего сокола! Я жажду охоты.

* * *

– Насир, – с балкона донёсся голос султана Гамека.

Насир поднял глаза к тому месту, где эмиры обычно ждали входа в верхний тронный зал. Сейчас никого не было видно.

Медно-красную кожу Гамека затеняла борода чуть короче его кулака, тогда как Насир стриг свою совсем близко к коже. Султан, чью голову покрывал поглощающий свет тюрбан, пристально глядел на сына.

Похоже, Насир слишком рано закончил работу.

– Из раза в раз ты справляешься всё лучше.

Так и есть. Слишком рано.

– Будут задания? – спросил Насир равнодушным тоном, на совершенствование которого ушли годы.

– О, сколько кровожадности! – Султан приподнял тёмную бровь.

Тысячи ответов чуть не сорвались с губ Насира, но лишь тишина сопровождала его мысли. Он пришёл во дворец. Дворец Аравии. Центр власти над пятью халифатами и тысячами людей. Вот только место это казалось пустым. Призрачным. Со времени смерти султанши дворцу чего-то *не хватало*.

Взгляд Насира привлёк знакомый блеск ржавого медальона с надписью, который всегда свисал с шеи султана, частично скрытый многослойным чёрным таубом. Насир окаменел, сдерживая дрожь. Султан был крепким человеком. Мускулы и сила стали его неотъемлемой частью.

И Насиру, как никому другому, было известно *всё* об этой силе.

– Так и будешь стоять там, болван?

Гамек ждал, когда Насир вздрогнет, однако сын его остался спокоен. Какое бы отвращение он ни испытывал, слово «болван» практически превратилось в его прозвище.

– Смой кровь и приведи мальчишку. У нас встреча с Хайтамом.

«*Это уже не новость, мой Султан*».

В одном Насир всегда мог рассчитывать на Альтаира: тот никогда не лгал.

– Я получил известие об исчезновении солдат, – быстро проговорил Насир, сославшись на полученный ранее отчёт. Он бы не стал упоминать о сарасинцах, отправленных на поиски Охотника, – что, по его мнению, с самого начала было глупой затеей, – однако исчезновение отряда оказалось слишком большой потерей, чтобы её игнорировать.

– И что с того? – рявкнул султан, раздувая ноздри. Гнев в его голосе неумолимо возрастал.

---

¹⁶ Б (буква арабского алфавита).

– Я за них отвечал, – кратко отчеканил Насир. – А теперь их нет.
– Только ты мог потерять целый отряд величайшей армии Аравии. – Снова оскорбления и ни единого намёка на удивление. Выражение его лица ничуть не изменилось.

«Он знает».

Насир выдохнул.

– Куда ты их дел? Мы не имели права трогать сарасинцев. Почему ты не назначил другого халифа? Или вздумал править как халиф и султан?

В тишине страх вспыхнул в сердце Насира, но разум тотчас задушил его насмерть.

Наконец султан заговорил:

– Довольно вопросов, мальчик. Они принадлежат *мне*, и я сделаю так, как *мне* заблагорассудится.

– Ты лишился прав на сарасинцев, когда сел на трон Аравии. – Насир стиснул челюсти, зная, что исчерпал дозволенные слова.

– Когда ты перестанешь совать нос в чужие дела? – прогремел султан.

– Я – принц, мой Султан. – Насир не умирал напористый тон. – Исчезновение отряда вооружённых людей – не чужие дела, а мои.

– Нет, мерзавец. Ты – ничтожество.

Прикоснувшись двумя пальцами ко лбу, Насир отправился за мальчиком. Иногда он задавался вопросом, зачем вообще пытался.

* * *

Никто и никогда не ожидал смерти Сестёр, и даже *сами* они не ожидали. Если бы не султанша, которая появилась в решающий момент хаоса, Аравия развалилась бы полностью. Она скрепила королевство, обеспечив некоторое чувство порядка. Она была справедливой, умной, мудрой. Сильной. Однако Насир так и не понял, каким образом Гамек убедил её отдать ему корону, которая по наследству должна была перейти к сыну.

Нельзя сказать, что Насир очень хотел стать правителем. Он не был готов к такой ответственности и сомневался, что когда-то будет.

Спустя год после объявления о престолонаследии султанша скончалась от тяжёлой болезни. Её смерть повергла людей в ужас и панику, поскольку сафи были бессмертны. Достигая зрелости, сердца их замедлялись. И никогда они не умирали от смертельных недугов.

Если только от лезвия, приставленного к горлу.

Насир согласился, потому что помнил последний вздох своей матери.

Теперь же в руки султана попала не только корона Аравии. Ещё и халифат.

Замбк темницы с гулким лязгом открылся. За решёткой, прижавшись к стене, сидел восьмилетний мальчик. Когда глаза Насира привыкли к темноте, он задумался, знал ли Альтаир о мальчишке, дрожащем от сырого холода темниц. Несколько дней назад даже Насир об этом не слышал. С другой стороны, он вообще мало что знал о планах султана.

Стоило ему перешагнуть порог дворцовых темниц, как тишина опустилась на мрачные залы. Люди, вопреки темноте, узнали о его присутствии и тут же смолкли.

Будь он только сыном отца, он бы купался в их страхе, однако, будучи также сыном матери, Насир испытал отвращение.

Зайдя в камеру мальчика, Насир стиснул зубы от зловония, порождённого гнилью и фекалиями.

– Поднимайся.

Юный деменхурец бросил взгляд на плеть в руке Насира и встал, стараясь удержаться на нетвёрдых ногах. Он пробыл здесь всего полмесяца, но кости уже торчали; волосы и кожа

потускнели. В глухой тишине мальчик шёл вперёд, громко шаркая ногами по каменному полу. Насир накинул на его плечи пыльный плащ.

– Баба? – спросил мальчик.

– Вы увидите, – тихо пообещал Насир.

В непроглядной темноте худые плечи ребёнка расслабились – он довольствовался простой возможностью увидеть отца.

Страж у двери сначала взглянул на плащ мальчика, а затем осмелился посмотреть на Насира. Тот сразу остановился, не поворачивая головы.

– Что-то не так? – спросил принц, глядя вперёд. Слова его прозвучали проклятием.

– Н-нет, мой повелитель, – промямлил в ответ стражник.

Насир глянул на мужчину, и тот поспешно опустил голову. Чуть погодя, убедившись в поселившемся страхе, принц крепче сжал плетъ и подтолкнул мальчика к каменной лестнице.

Насир боролся с желанием поторопить ребёнка, чья ладонь слишком медленно скользила по перилам из оникса. Наверху он снял с мальчика плащ, сунул его за шкаф. Маленькая грудь ребёнка резко поднялась от глубокого вдоха, и в ту же секунду дверь в покои султана открылась.

Султан устроился на низком чёрном восточном диване, который занимал половину комнаты. Сидел он босиком, скрестив ноги; сандалии стояли на расстоянии волоса от богато украшенного пелузийского ковра. На полу султан выглядел менее царственно.

Перед ним на коленях стоял писец.

В руках Гамек держал чёрные свитки.

Свитки с новыми сведениями о погибших жителях Аравии приносили ему каждую неделю. В большинстве случаев в них перечислялись люди, скончавшиеся в пещерах Лейла во время обвалов, от побоев или, что ещё хуже, – от воздействия невидимых паров. Ядовитые газы блокировали лёгкие, удушая жертв насмерть.

До нынешнего дня свитки покоились в корзине рядом с тронem, будоража кровь в жилах Насира. Но теперь он так и замер на месте, став свидетелем невозможного зрелища.

Султан постукал пальцем по свитку.

– Пусть соберут ядовитый дым.

– Мой Султан? Какой дым? – запинаясь, пробормотал писец, не отрывая руки от папируса. Чернила капали с его тростникового пера.

– Пары. Пары, которые душат людей, – задумчиво ответил султан.

Писец судорожно кивнул.

– Соберите, воспроизведите, а затем доставьте мне.

«О. Вот это уже больше похоже на отца».

– Не думаю, что кому-то известно, как это сделать, мой Султан, – прошептал писец.

Отвращение исказило лицо Гамека.

– Мне ли не знать, что все вы безмозглые. Пусть Удэй отведёт пелузианцев в пещеры и даст им всё необходимое. Поторопитесь.

Насир усомнился, что проживающая в Крепости Султана делегация пелузианцев оценит приказ.

– А теперь убирайся.

Писец, бормоча своё почтение, поспешил из комнаты, шурша таубом.

– Дым, – повторил Насир, как только в комнате стало пусто. Сначала он думал спросить о планах, но гордость взяла верх.

– Разожги огонь, – велел Гамек.

Когда сын не двинулся с места, султан одарил его пристальным взглядом. Насир желал ответов, но понимал, что маленький мальчик представляет угрозу.

Спустя долгую паузу Насир оставил дрожащего ребёнка у двери и разжёг огонь.

«Трус. Трус! Дурак».

Для огня в полуденную жару существовала лишь одна причина – магия. И чем больше Насир в ней упражнялся, тем опаснее она становилась. Редко выдавались дни, когда султан не повелевал Насиру помочь с волшебством. Возможно, магия, некогда освещавшая королевские минареты, действительно была чистой и доброй, но *эта* аномалия к добру не имела никакого отношения. *Это* колдовство превратилось в настоящий ад.

И Насир не ведал, откуда оно взялось.

Пальцы султана играли со старинным медальоном на груди. Насиру однажды удалось прикоснуться к украшению, и то, что он увидел, поразило его чувства. Разум в мгновение ока охватила тьма. В то время, пока пальцы гладили надписи на древнем языке, в ушах отдавались шёпот и полубезумные крики. То была тьма, порождённая болью; тьма, которая не имела конца.

Тьма, которая порождала отчаяние даже в себе самой.

Медальон был особенным, и тот факт, что он всегда находился при султани, придавал ему ещё большую уникальность. Если Гамек видел ту же тьму, что и Насир, то он, в отличие от сына, всячески её приветствовал.

Огонь ожил, и султан поднялся с места. Насир, ощущая струящийся по спине пот, потянулся за кочергой. Хотя принц мог продолжать и сам, он всё-таки передал главенство султану.

Кочерга. Горящая плоть. Крик.

Насир зажмурился. Вздохнул тяжело. Ему не хотелось проявлять слабость, и стыд не заставил себя долго ждать.

– Ты всё ещё слаб, – прошептал султан, разжигая огонь.

Насир подавил ярость, которая дрожью обвила кончики пальцев.

– Я устал, мой Султан.

«Однако наступит время, когда я буду полон сил».

– Хм, – рассеянно протянул Гамек, как будто слышал невысказанные слова сына. – Настанет день, и ты увидишь изъян в своих поступках. Проклятие в своём сострадании. Тогда ты поймёшь, чего я хотел для тебя с самого начала.

Вот только отец *не этого* хотел. В былые времена султан тоже ценил сострадание. Насир, казалось, помнил улыбку отца и залитый светом дворец. Он старался сохранить эти воспоминания, но с каждым днём они меркли и меркли. Разве не это пытался понять историк Овайс?

Мальчик, присев на корточки, осторожно потянулся за виноградом в чаше султана. Насир терпеливо дождался, пока ребёнок проглотит украденный приз, после чего передал Гамеку кожаный мешочек.

И отступил. Чем дальше он будет держаться от гнусного волшебства, тем лучше.

Гамек, раскрыв мешочек, бросил в огонь кусочек папируса, поверхность которого изобиловала чёрными как кровь словами.

Dum sihr.

Магия крови, запрещённая Сёстрами и караемая смертью. Ценой собственной крови человек мог практиковать любую магию на свой выбор. Без этого люди бы ограничивались лишь дарованными при рождении способностями. Но Гамек был султаном и мог делать всё, что хотел. Единственное, чего не понимал Насир, так это возможность *появления* магии в лишённой волшебства Аравии.

Он знал о причастности Серебряной Ведьмы – женщины, которая с завидной частотой посещала дворец, будто сама была султаншей. *Она* дала Гамеку пропитанные кровью кусочки папируса. И кровь та каким-то образом связывала владельца и вызывающего.

Пламя затрещало, поднялось, потускнело до цвета пелузианских баклажанов. Комната залилась краской и жаром, а затем из пламени поднялась фигура с бледным лицом, тёмными

глазами и длинной бородой. Этот живой и здоровый мужчина в тот самый момент находился в Деменхуре.

Хайтам, визирь халифа Деменхура.

*Rimaal*¹⁷. Деменхурцы всегда пугали Насира своим призрачным видом. Бледные, неземные, необычайно красивые. Как и Альтаир, они выглядели настолько светлыми, что создавалось впечатление, будто в жилах их течёт снег, а не кровь.

– Где он? – прохрипел Хайтам, невольный предатель своего халифа.

– Здесь, – отозвался Насир.

– Баба! – захныкал мальчик, когда Насир подвёл его ближе.

От сдавленного крика Хайтама мальчик всхлипнул, и Насир крепче сжал его плечи.

– Отдай его, умоляю! – попросил визирь. Жалостливо попросил.

– Попрошайничество здесь не к месту, – отрезал Насир.

Султан вышел вперёд.

Люди боялись Хайтама. Сила его была единственной причиной, по которой халиф Деменхура всё ещё жил. Тем не менее, даже за целый халифат от дворца, страх Хайтама был очевидным. В застывшем теле и крепко сжатой челюсти Насир разглядел испуг.

– Мой Султан. – Хайтам упал на колени.

– Встань, – велел Гамек с твёрдой снисходительностью. – Серебряная Ведьма приходила к Айману?

Насир напрягся. Эти люди никогда не встречались в одном предложении, а уж тем более – в одной комнате. Айман слыл добрым халифом. Он не стал бы терпеть встречу с ведьмой в серебряном плаще.

Если Гамек был лично знаком с Серебряной Ведьмой, почему сам не спросил у неё об Аймане?

«Он не доверяет ей».

Хайтам пристально посмотрел на своего сына. Халифу, безусловно, он был верен больше, чем султану, но любовь к ребёнку превышала всё остальное. Хайтам, закрыв глаза, дал утвердительный ответ.

Султан тотчас повернулся к мальчику и одарил настолько злорадным взглядом, что Насиру захотелось спрятать ребёнка подальше.

– Да, мой Султан, – промолвил Хайтам. – Они виделись в Палате Силаха у западных деревень. Мы не знаем наверняка, кому доставили её письмо, но надеемся, что Охотнику. Больше мне ничего не известно.

Глаза султана загорелись. Охотник раздражал Гамека даже больше деменхурцев. Насир не знал, был ли он известен по всей Аравии, но сам слышал достаточно.

Никто другой не мог повторить подвиг Охотника. Насир и сам пробовал. Однажды он отправился в Арз на убийство, но в тот момент, когда ступил обеими ногами в лес, его окутала непроглядная тьма, и выход исчез. Насиру потребовалось несколько часов, чтобы вернуться, после чего он несколько дней задыхался. Сердце уходило в пятки от малейшего звука.

Насир был наёмным убийцей, скрытным, смертоносным, внушающим страх. И *никогда* прежде он не испытывал подобного ужаса. Ужаса, из которого с трудом сумел вынырнуть.

Магия Арза и магия медальона на шее султана, должно быть, имели одну природу. И, очевидно, не принадлежали к тому волшебству, что в прежние времена освещало минареты. *Эта* магия была безграничной, тёмной, бесконечной.

– Когда начинается поиск? Через два дня? – полюбопытствовал султан.

– Полагаем, что так, – ответил визирь.

«Что ещё за поиск?»

---

¹⁷ Пески (в значение ругательного слова, как, например: чёртовы пески!).

Пламенное тело Хайтама задрожало, отбросив длинные тени. Насир, ощутив выступившие капли пота, оттянул воротник тауба.

– Мой Султан, скажите мне, зачем вы забрали моего сына? – выпалил Хайтам.

Даже Насир, наследный даамов принц, не знал ответа на этот вопрос.

– Убедись, что халиф встанет перед Арзом, когда начнутся поиски, и тогда сын вернётся к тебе целым и невредимым.

– Перед Арзом? Но... – Хайтам смолк. Насир понял причину. – Вы, верно, желаете его смерти.

Султан не отрицал. Сначала халиф Сарасина, затем армия и пары из пещер Лейла. А теперь этот загадочный поиск... и халиф Деменхура.

Хайтам бросил взгляд на сына. Боль ярко вспыхнула в его глазах.

– В столь смутные времена несчастья случаются нередко, визирь, – размышлял султан. – А если вдруг трон опустеет, то лучше скорее его занять.

Глаза Хайтама озарились пониманием. Он был всего лишь пешкой, а пешка на троне несравнимо полезнее, чем пустой трон. Прячась за стенами Крепости, Гамек без труда управлял Сарасином. Деменхур же – слишком далёк и обширен; народ его не очень приветлив. Пока его сын в опасности, Хайтам будет идеальной марионеткой.

Хайтам, чьи волосы полыхали фиолетовым заревом, обернулся. Движение головы залило комнату пурпурным светом. Сын Хайтама, приоткрыв рот от изумления, глядел на яркое зрелище. Наблюдая за выражением детской невинности, Насир ощутил отвращение.

– Так что? Сделаешь, как я просил? – голос султана был жёстким.

Хайтам помедлил. Сын его наклонился ближе, стараясь расслышать каждое слово.

– Он придёт. – Голос Хайтама надломился от клятвы. – Только молю, не навредите моему сыну.

Если Айман славился добротой, то Хайтам хвалился жёсткостью. Именно Хайтам держал Аймана в строю, следил за порядком в Деменхуре, одном из крупнейших халифатов Аравии. Однако в тот самый момент Насир впервые заметил его уязвимое место. Любовь. *Любовь ослабляет мужской дух.*

– Он в безопасности, пока ты со мной, – заявил султан.

«В безопасности? В сырой и холодной темнице, которая убьёт его прежде всего остальных?»

Хайтам уже открыл рот, чтобы вновь умолять, но султан бросил в огонь чёрное семя. Мужчина, как и пламя, в одночасье исчезли.

– Уведи мальчишку, – в глухой тишине приказал Гамек.

Насиру хотелось возразить. Пролить миллион слов и задать сотню вопросов.

– Он вернётся во всеоружии, – наконец выдавил сын султана.

Хайтам. Айман. Они не дураки.

Султан даже не взглянул на Насира.

– Для *тебя* он вернётся во всеоружии, но не для *армии* сарасинцев, вооружённых магией вместо клинков.

Насир замер. Убийства... Удушение ядовитыми парами...

Отряд сарасинцев *никуда не пропал*. Гамек лишь отдал им новый приказ. Он *уже* командовал армией, которой по закону не имел права распоряжаться.

Султан Аравии вздумал удушить невинных жителей западных деревень Деменхура, позаботившись, чтобы среди них оказался халиф.

Нападение начнётся со стороны халифата, а не со стороны султана, и стычек за расширение границ больше не будет. *Начнётся война.*

Халифы существовали, чтобы контролировать султана. Султан, в свою очередь, держал в узде халифов. Сами они, почти короли, находились под пятой. Халифы являлись запасным вариантом, оставленным Сёстрами для обеспечения баланса.

Но что задумал Гамек?

Насир открыл рот, чтобы вставить своё слово, однако сын султана сам был убийцей с замаранными кровью руками. Как он смел возражать *против* смерти невинных людей?

Насир сжал губы.

«И я, будучи болваном, сделаю всё, что он прикажет».

Глава 5

Дом Зафиры стоял последним в деревне и ближе всех располагался к Арзу, что позволяло ей с лёгкостью перевоплощаться в Охотника. И всё-таки, защёлкнув замок входной двери, Зафира вздохнула с облегчением.

В камине потрескивал огонь; Лана дремала, растянувшись на подушках. На коленях сестры лежал свиток деревенских новостей вместе с последним выпуском «Аль-Хабиб». Нынче, пройдя через множество рук, газета выглядела потрёпанной. Издание изобиловало сплетнями, слухами и последними событиями со всего королевства. Шаткое положение халифатов и недостаток магии привели к тому, что газеты выходили редко и в небольшом количестве, но оттого они пользовались ещё большей популярностью.

«Аль-Хабиб» выпускался без рисунков и был известен каллиграфическим искусством. На чтение у Зафиры не хватало терпения, но она всегда мечтала взглянуть на лица хотя бы для того, чтобы ещё больше ненавидеть образы халифа и султана. Чтобы опасаться наследного принца. Чтобы понять бессмертного сафи.

Светлые веснушки усеивали сияющую кожу Ланы; рыжий огонь танцевал в тёмных волосах. Будь жизнь их проще, Зафира точно бы завидовала сестриной красоте.

Выскользнув из сапог, Зафира направилась по коридору в комнату, ощущая пятками неровности каменного пола. Она повесила плащ на полированную ручку и хотела уже скинуть сумку, как вдруг замерла на месте. Зафира что-то нащупала. *Пергамент.*

Серебряный, как месяц молодой; красный, как свежая кровь.

Зафира, бросив быстрый взгляд на сестру, осторожно вытащила находку. Серебро замерцало в слабом свете очага. Письмо как будто гудело. Манило, точно Арз. У Зафиры перехватило дыхание.

«Открой меня», – казалось, шептал пергамент.

В голове Зафиры промелькнула жутковатая улыбка женщины в серебряном плаще. Она медленно перевернула пергамент и увидела сложенный уголок и печать. Письмо, напоминающее о женщине, которой не существовало.

На серебре было начертано имя: *бинт Искандар*. Дочь Искандара.

В груди барабанило сердце. Зафира замерла, когда на подушках заёрзала Лана, что-то бормоча во сне о Дине. Поджав губы, Зафира вскрыла печать, провела большим пальцем по эмблеме в форме изящного полумесяца. Со страницы глядел аравийский почерк.

Мир вам, достойный.

Вы приглашены в путешествие длиною в жизнь. На остров, где природа не знает границ, а тьма хранит все секреты.

Вы спросите, зачем вам рисковать и отправляться в столь мрачное место? О любезнейший, я отвечу вам. Чтобы вернуть волшебство через древнюю книгу, известную как утраченный Джаварат.

Вернуть былую славу и великоление. Вернуть прошлое.

Поиски начнутся на границе Арза через два рассвета.

Вновь и вновь Зафира перечитывала письмо, и с каждым разом дышать становилось труднее. Слова душили её сердце.

Волшебство. Путешествие на Шарр, поскольку иных островов не существует. Чтобы вернуть утраченную *магию*. Вернуть Аравии былую славу и покончить с Арзом раз и навсегда. При помощи *Джаварата*. Она ломала голову над смыслом древних слов. *Потерянная драгоценность.*

Дрожащими пальцами Зафира бросила письмо обратно в сумку.

Не потому ли халиф Айман пребывал в Палате Силаха в четверти дня езды от дома Зафиры? Небольшие западные деревни считались беднейшими в Деменхуре, особенно по сравнению с величественной столицей, Тальджем, который находился в четырёх днях езды от окраин.

«Милостивые снега... Осталось всего два дня. Шарр, волшебство и...»

Мысли вдруг сбавили ход. Получается, женщина в серебряном плаще *настоящая*? Значит, это *она* спрятала записку в сумку Зафиры? Так или иначе, никого другого в красно-серебряных одеяниях Зафира по дороге домой не встречала. Но насколько реально приглашение и эти поиски? Насколько реально само существование магии?

Как бы женщина её ни пугала, Зафира желала знать правду.

Снова она достала из сумки письмо. Ей хотелось держать его в руках. Чувствовать. Неустанно читать опьяняющие тайной слова.

Шорох одеяла внезапно нарушил тишину.

– *Okht!*¹⁸ – воскликнула Лана, садясь.

Зафира поспешно спрятала серебряный пергамент, вслушиваясь в сладкий голос сестры, звучание которого изо дня в день ласкало её уши.

– Как мама? – с улыбкой спросила Зафира, глядя на закрытую дверь и чувствуя зов письма, обращённый к трепещущему сердцу.

– Спит. Сомневаюсь, что она пойдёт на свадьбу, – отозвалась Лана.

Глаза сестры были добрые, карие, как у Бабы, но отличались грустью. Именно Лана по ночам утешала мать, поэтому в душе Зафиры зияла бесконечная пропасть вины. Сожаление настолько сдавило грудь, что Зафира отвела взгляд от сестры.

Охотник и Целитель. Так Баба называл своих девочек, когда сопровождал Зафиру в Арз, пока маленькая Лана помогала матери собирать редкие травы Деменхура. Он и представить не мог, насколько его слова окажутся пророческими. Когда у матери начались кошмары, Лана превратилась в незаменимого лекаря.

– У тебя усталый вид. Как прошла охота? – любопытствовала Лана, освобождая место сестре.

– Хорошо. – Зафира пожала плечами, не заметив, как сузились глаза Ланы.

Как бы сильно Зафира ни любила Ямин, ей не всегда нравились её настоятельные расспросы и осуждение маскировки Охотника. С сестрой всё было проще, поскольку Лана смотрела на Зафиру как на героя.

– Ладно, не просто хорошо, но и захватывающе.

Зафира, усевшись подле Ланы, рассказала о противостоянии сарасинцам, добавив несколько деталей, чтобы приукрасить историю. Письмо по-прежнему взывало из сумки, однако Зафира не стала рассказывать о странной женщине. Пока Лана прижимала к груди синюю подушку с кисточками, в глазах её плясал неподдельный интерес.

Когда-то давно Зафира подарила сестре эту подушку. Конечно, охота и шкуры животных, которых она убивала, приносили семье достаток, но динары на роскошь оставались у них не всегда.

Зафира коснулась пальцем кончика носа Ланы.

– Пора собираться. Если прибудем заранее – успеем уговорить слуг отрезать нам кусочек десерта побольше, – пропела Зафира, поигрывая бровями. – Айш эль-сарая, м-м-м.

При упоминании хлебного пудинга с фисташками и сливками глаза Ланы загорелись.

– Заплетёшь мне волосы?

---

¹⁸ Сестра; моя сестра.

– И даже зажгу мамин бахур¹⁹, так что ты будешь самой благоухающей девушкой на свадьбе, – к радости Ланы пообещала Зафира.

В такие моменты Зафира восхищалась детскими ужимками сестры. Её смехом, трепетом. Улыбками, ласковыми словами. Трудно было представить, что четырнадцатилетняя девочка сама ведёт хозяйство и просыпается глубокой ночью, чтобы успокоить жуткие рыдания матери. Лана была одной из многих девочек, которым пришлось повзрослеть раньше времени. И виноваты в этом были все, кроме самих детей.

Не обращая внимания на переменчивое настроение Зафиры, Лана схватила её за руку и увела прочь. Сумка вместе с письмом соскользнула на пол.

Сначала свадьба.

* * *

Солнце уже садилось, и люди начали собираться на джуму'а²⁰. На площади располагался рынок, в сердце которого лежал подогреваемый круглый гладкий серый камень. Из его центра до самых краёв тянулись узоры, рассказывающие историю, не поддающуюся расшифровке. Камни джуму'а, заложенные самими Сёстрами, были разбросаны по пяти халифатам.

Баба рассказывал, что под этим камнем когда-то стояла вода, охлаждавшая землю, но это было задолго до того, как песок превратился в снег. Те времена стали чужды каждому живому деменхурцу и почти всем аравийцам – если только не были они бессмертными сафи с продолговатыми ушами и павлиньей гордостью. Или же возраст их не приближался к столетию.

Зафира сидела на подушке, скрестив ноги, пока невеста царственно лежала на украшенном помосте. Время от времени она подталкивала Ясмин, чтобы указать на человека, которого не видела несколько месяцев.

Большинство жителей западных деревень пришли на свадьбу в ярких нарядах и тёмных таубах. Волосы их скрывались под шерстяными платками или тюрбанами с кисточками. Худощавые тела прятались под плащами, бусами и звенящими украшениями. Дети, смеясь и крича, сновали между взрослыми. Окрестные магазины с грязными окнами закрылись на время празднования. Хотя богато украшенные ковры и подушки усеивали пространство площади, люди предпочитали оставаться поближе к нагруженным едой низким столикам.

Не каждый день в западных деревнях случалась свадьба, поэтому в подготовке участие принимали все. Жители охотно приносили украшения, деликатесы, мебель. Что уж говорить о свадьбе, где невестой стала красавица Ясмин. Ясмин любили воспитанники; ею восхищались женщины, которых она вдохновляла; ей завидовали мужчины, знавшие о её близости к Охотнику.

Тепло от камня ласкало щёки Зафиры. Она разрывалась между желанием слиться с толпой и потребностью насладиться каждым последним моментом с Ясмин, пока сестра её сердца не связала судьбу с другим человеком.

Всякий раз, когда она вспоминала об этом, сердце сжималось от боли.

От жареной оленины в центре каждого столика поднимался пар. Запахи розмарина, корицы, лаврового листа и чеснока даже с большого расстояния добирались до носа Зафиры. Невзирая на неприязнь к чесноку, рот наполнялся слюной. Большие блюда окружались тарелками поменьше. Чего в них только не было: фаршированный лук и жареные баклажаны, маслянистая долма и украшенный мятой киббех²¹; тонкий манакиш²² с острым заатаром²³ и оливковым маслом.

---

¹⁹ *Бахур* – древнейшее восточное благовоние для окуливания помещения, предметов и одежды.

²⁰ *Джуму'а* – площадь, где проводились торжества.

²¹ *Киббех* – котлеты из булгура, мелко измельченного мяса со специями и рубленого лука.

Чтобы приготовить всю эту роскошь, потребовалось немало динаров, множество рук и дней охоты. Однако выражение лица Ясмин, понимающей, что свадьба наполнит уйму голодных желудков, стоило всех усилий.

– Лана грустит в одиночестве, – настороженно заметила Ясмин.

Рядом с невестой пустовало предназначенное для мужа место. «Муж». К этому слову предстояло привыкнуть.

Немного поодаль, держа на коленях тарелку с наполовину съеденным десертом, сидела Лана. В тёмно-полуночном платье, мерцающем крошечными блёстками, она выглядела как королева. Лана заметно нервничала, без конца теребя пальцы. Зафира тешилась надеждой, что свадьба отвлечёт сестру, однако праздник лишь напомнил об одиночестве. Зафира не могла не заметить, что прямо перед девочкой о чём-то шепталась группа её ровесниц.

Неожиданно рядом с сестрой устроился мужчина. Его искусно пошитый тауб мерцал в тусклом свете, сливаясь с бронзовыми кудрями. Дин. Только он и его сестра никогда не теряли бдительности. Только Дин мог выманить у Ланы искреннюю улыбку.

– Больше нет, – заметила Зафира, пытаясь разобраться во внезапно нахлынувших эмоциях. Дин полюбил чужую сестру так же сильно, как свою.

К помосту, где сидели Ясмин и Зафира, неторопливо подошёл молодой человек. Казалось, вышивка на его таубе излучала такое же самодовольство, как и ухмылка на лице. Он окинул фигуру Ясмин оценивающим взглядом, отчего Зафира загорелась желанием вырвать ему глаза.

– Охотник выгнал тебя из постели, и ты тут же нашла запасной вариант? – спросил он невесту.

Ясмин улыбнулась, изящно сложив руки на коленях.

– Подойди-ка ближе. Открою тебе секрет.

Приподняв бровь, он ухватился за шанс приблизиться к красавице.

– Это я его выгнала, – любезно ответила Ясмин. – Мне наскучило, понимаешь? И я с радостью *тебя* вышвырну со свадьбы, раз уж тебе так сложно быть вежливым.

Парень открыл рот, но Ясмин ещё не закончила.

– В следующий раз, когда юный Бишр придёт на занятия, я обмолвлюсь о выходках его старшего брата. Подождём, что скажут ваши родители, а?

Он отпрянул, будто получив пощёчину, и неуклюже поспешил прочь.

Ясмин, приподняв бровь, взглянула на Зафиру.

– Вот так я и воспитываю сорванцов, не марая рук. А ты, я видела, уже готовилась оторвать ему голову.

– На войне все средства хороши, но ты, пожалуйста, продолжай в том же духе, – протянула Зафира.

Тайная личность Охотника подарила Раадам своего рода известность, поскольку не было лучшего способа выяснить правду, чем через двух людей, которые его – *её* – знали.

Хотя сил Охотника и не хватало, чтобы накормить около трёхсот жителей западных деревень, помощь в виде еды тем не менее поступала постоянно. В народе ходила молва, что Арз создал чудное мясо, и люди, вкушая лакомые кусочки, тотчас наедаются. Зафира же считала, что сытости способствовал опыт Дина в распределении продуктов. Благодаря ему жители деревень получали еду хотя бы раз в несколько дней.

Конечно, деменхурцы *содержали* домашних животных, однако овец и крупного рогатого скота просто-напросто не хватало. Были и те, обычно более состоятельные люди, кто стекался

---

²² *Манакиши* – лепёшки из дрожжевого теста с приправами, сыром или фаршем.

²³ *Заатар* – ароматная приправа из нескольких видов трав.

со всего халифата, чтобы отвесть мяса из опасного Арза, добытого известным Охотником. Именно к ним Зафира питала настоящую ненависть.

– Хватит бросать на гостей убийственные взгляды, Зафира. У тебя нет с собой лука, да к тому же ты в *платье*, – напомнила Ясмин.

Зафира, любуясь неземной красотой подруги, заглянула в смеющиеся глаза.

Бледно-золотое платье с расклешёнными рукавами сияло переливами бусин. Волосы цвета бронзы были собраны на затылке и украшены изумительной кружевной шалью и венком из белых цветов. Щёки Ясмин залились румянцем, а тёмная краска для век сделала невесту старше её семнадцати лет.

– Прости, Ясмин. Слишком уж много глаз обращено в мою сторону.

«А из головы не выходит письмо».

При мысли о таинственном послании пульс Зафиры участился. Она *хотела* отправиться на поиски. Хотела торжествовать победу. Или, по крайней мере, наконец-то найти ответы на волнующие её вопросы. Может ли книга вернуть волшебство? Замешан ли в этом халиф?

На самом деле халиф Деменхура не был *плохим* человеком. Если бы он, например, узнал о женской сущности Охотника, он бы не стал снимать ей голову с плеч.

По крайней мере, так думала Зафира.

Но кто во время её отсутствия продолжит кормить народ? Что, если попросить у женщины в серебряном плаще оленины или монеты? Если таинственная незнакомка так уж желала участия Зафиры в поисках, ей следовало бы предложить нечто большее, чем подкинутое письмо. Тогда Ясмин и Дин могли бы...

– Зафира. Хватит.

– Ты о чём? – изумилась Зафира, изображая невинность.

– Вижу, ты думаешь о чём-то постороннем.

Зафира не ответила, и тогда Ясмин, вздохнув, сменила тему:

– Отлично выглядишь сегодня.

Зафира настолько громко усмехнулась, что привлекла внимание женщины, которая ода-рила её озадаченным взглядом. Вот любопытная голова.

– *Сегодня*? Быть может, причина в невесте? Или в слишком тесном платье?

Ясмин хмыкнула, отчего глаза женщины чуть не вылезли из орбит.

– Так и знала, что стоило купить тебе новый наряд, – проворчала Ясмин.

Однако платье Зафиры, вопреки своему «возрасту», по сей час оставалось одним из любимых. От чёрного широкого подола до украшенного чёрной филигранью выреза цвет ткани постепенно переходил к тёмно-синему. Дерзкие золотые штрихи окаймляли плечи и спускались вниз по рукавам, заканчиваясь маленькими точками. Узор был главной причиной, по которой Зафира потратила на платье лишние динары, – он напоминал ей стрелы. Гладкие, блестящие, грозные и *одновременно* прекрасные.

Зафира уже открыла рот, чтобы возразить, но Ясмин продолжила:

– А из-за твоей причёски меня и вовсе не замечают!

Зафира осторожно прикоснулась к волосам. Ей понравилось, как женщины заплели их в корону на макушке. Из-за высоты причёски Зафире даже пришлось оставить платок дома. Теперь она наконец-то почувствовала себя красивой, даже царственной. Однако красота Ясмин, вопреки всему, была несравненна.

– О, Ясмин, сегодня даже луна не осмелится взойти на небеса. Даже она померкнет рядом с твоей красотой.

Ясмин кивнула, как ни странно, смущённо. Всё это время её пальцы играли с лунным камнем – драгоценным камнем Деменхура, который предстояло подарить Миску после завершения церемонии. Лёгкий ветерок разносил по округе пьянящие ароматы бахура и пряной еды.

Падающий снег присыпал рынок белыми хлопьями, но раскалённый камень и пламя джуму'а сохраняли землю чистой и тёплой.

Пар более не вздымался над тарелками, а оленина таяла по мере трапезы. Сердце Зафиры сжалось от грусти. Она понимала, что оленина – это просто еда, но мясо вновь стало доказательством, что ничто хорошее в мире не длится вечно.

Спустя долгое время Ясмин заговорила:

– А что, если... сегодня вечером...? Я не знаю...

Зафира, подумав о везении Миска, покачала головой.

– Всё пройдёт идеально, Ясмин. Он любит тебя, а ты любишь его. Ничто не омрачит ваших чувств.

Ясмин погладила пальцем кожу с цветочными завитками и узорами из хны. Среди великолепных орнаментов собиралось имя её мужа, имя Миска.

– Любовь. Что за глупость.

Зафира встретила глазами с Ясмин, и в воздухе повисло произнесённое имя. *Дин*. Он отдал ей всё и на том не закончил, однако Зафира не смела отдать ему сердце. Точно не после того, что случилось с Умм из-за Бабы.

– Вот он! – крикнул кто-то из толпы. Зафира вздрогнула, почти ожидая увидеть Дина.

Но всё-таки толпа расступалась для Миска. Жених был одет в аккуратный чёрный тауб и тёмно-синий тюрбан. Кисточки на тюрбане покачивались в такт шагам. Взгляд Миска был прикован к Ясмин и казался настолько горячим, что Зафира невольно отвела глаза.

– Ты не потеряешь меня, – прошептала Ясмин. – Я по-прежнему буду твоей.

Вопреки пристальному взгляду жениха, она смотрела на Зафиру.

– Я знаю. Я просто эгоистка.

Губы Ясмин скривились в улыбке.

– Что ж, соперник твой и *вправду* силен. Ох, он дьявольски красив.

К радости Зафиры, тема разговора сменилась. Миск *был* очень красив, и красота его отличалась от остальных. Мать Миска родилась в Сарасине, потому и сын её выделялся среди жителей Деменхура чернильно-чёрными волосами и смуглым оттенком кожи. Однако хорошо, что он не унаследовал других, жестоких, качеств сарасинцев.

– О сердце моего сердца, луна моей души, – промолвил Миск. Несмотря на склонность сарасинцев к насилию, в их гортанных, но чистых голосах всегда слышалась нотка спокойствия.

Зафира, заметив улыбку подруги, запечатлела её в памяти.

Дин встал рядом с Миском. Тауб его переливался на свету; тюрбан цвета ржавчины скрывал непослушные кудри, а бахрома по его краю спускалась на шею. Он поймал взгляд Зафиры, и губы тотчас изогнулись в нерешительной улыбке, скрывающей истинную тревогу. Зафира робко улыбнулась в ответ. Интересно, Дин рассказал сестре о сне? И связаны ли его грёзы с письмом от незнакомки?

Два стражника в серо-синих одеждах осторожно развели толпу на две стороны. Тяжёлые плащи покрывали их облачение. Такая форма не только позволяла быстро бегать и садиться на лошадей, но и сохраняла тепло. На поясах, куда крепились ножны с джамбиями и саблями, сверкала печать Деменхура – снежинка из старинного серебра с острыми краями.

Если не брать в расчёт остроконечные снежинки, подобный костюм осчастливил бы любого Охотника. Жаль, что Зафира не умела так же ловко обращаться с холодным оружием, как с луком и стрелами...

На каменной трибуне появился старейшина, и гости торжества незамедлительно поднялись. При виде маленьких глаз Зафира стиснула зубы, сжала кулаки. Напряжение, однако, пропало, когда к руке прикоснулись тёплые пальцы Дина. Он потянул Зафиру за собой, и только в тот момент она заметила, что остальные гости в тишине отступили. Лана подкралась к сестре, схватила её за руку.

– Мы собрались здесь сегодня ради обещания единства, – начал старейшина. – Единство привело Аравию к процветанию, и единство же выведет нас из мрака. Без единства мы остались бы кочевниками, блуждающими по бескрайним пескам и уклоняющимися как от палящего солнца, так и от подстерегающих нас опасностей.

– П-ф-ф. Ему нужно книги писать, а не деревней править, – проворчал Дин, скрестив руки. Зафира чуть улыбнулась, увидев редкое для него проявление раздражения.

– Шесть Сестёр Забвения восстали из хаоса. Они обладали невообразимыми силами. При помощи магии они объединили нас, создали халифаты и справедливо правили в месте, которое нынче мы величаем Крепостью Султана. *Они отдали нам свои добрые сердца* и наполнили королевские минареты волшебством. Сёстры приумножили силу магии, подарив её людям и сафи. Они поставили перед нами наивысшую цель, чтобы жизнь нашу определяла естественная близость. Чтобы целитель мог исцелять, а огненное сердце – пылать.

Боль, которую ощутила Зафира при упоминании волшебства, закралась в самые глубины сердца. В памяти вспыхнул образ письма. Мысли переместились в Арз. Зафира потёрла грудь пальцами, задаваясь вопросом, что же таила её душа – огонь или воду? Способность лечить прикосновением или видеть фрагменты будущего?

– Столетиями Сёстры, поддерживая наше единство, даровали каждому халифату особые силы, необходимые для выживания других халифатов. Деменхур снабжал Аравию травами и лекарствами, которых больше нигде не встречалось; учил ценить искусство. Сарасин делился углём и полезными ископаемыми. Пелузия кормила нас всеми мыслимыми фруктами и представляла непревзойдённую технику, продвинувшую нас за грань воображения. Наши соседи в Зараме плавали по морям, тренировали бойцов и доставали изумительные дары солёных морских глубин. Многопочтенные сафи Альдерамина записали наше прошлое и, изучив все ошибки, помогли нам стать лучше. Чтобы расширить границы сердец, они наполнили Аравию духом творчества. Они же запретили *sihr*²⁴, тем самым защитив всех нас от дурного. И так наше великое королевство Аравия процветало.

Голос затих. Зафира невольно покачнулась.

«Небеса милостивые. Пора успокоиться».

Толпа неугомонно роптала. Не только Зафира тосковала по прежним временам и всему, что было утрачено. Не только она испытывала гордость за свершения народа. В тот день люди потеряли больше, чем просто волшебство. Их земли превратились в неукротимых зверей. Стены выросли между халифатами. Тёмный лес с каждым днём подбирался всё ближе.

– Именно единство подарило нам всё, что мы нынче имеем. Солидарность, любовь. У нас слишком много отняли, дорогие друзья. Когда Сёстры исчезли, они забрали с собой магию – то самое волшебство, благодаря которому они укоренились в каждом халифате и на которое мы так сильно полагались. Нас бросили на произвол судьбы. Минареты наши померкли. Аравия страдает. – Губы заима²⁵ скривились в грустной улыбке.

В *эту* часть истории Зафира отказывалась верить. Шесть Сестёр Забвения просто *не могли* неизбежно править многие годы, а затем вот так исчезнуть, оставив народ и землю на погибель. Всё это не имело смысла.

– Но, вопреки всем бедам, мы не сдаёмся, – продолжал заим. – Сегодняшняя церемония объединит не только два сердца, но и два халифата. *Mabrook*²⁶, молодые души. Пусть в жизни и после смерти сердца ваши останутся вместе.

Остальные гости повторили поздравления. Заим, кивнув напоследок, отошёл вместе со стражей.

---

²⁴ Тёмная магия, колдовство на крови.

²⁵ *Заим* – глава поселения.

²⁶ Мои поздравления.

– Неплохо для предвзятой коровы, – фыркнула Зафира.

Дин кивнул в знак согласия.

Вместо того чтобы вдохновиться речью старейшины, люди вернулись к светским беседам, будто заим прервал их на секундочку, чтобы сообщить о мятном чае, ожидающем в конце торжества.

Жители халифата давно смирились с судьбой. Смирились с бесконечным холодом и ползучей тьмой. Они больше не надеялись на лучшую жизнь. Но что останется от прежних времён, если Арз поглотит их всех?

Старейшина вышел вперёд, чтобы провести церемонию. Среди гостей воцарилась тишина. Мужчина поднял руки. В ту же секунду залепетал младенец, однако мать поспешно его усмирила.

Ясмин передала лунный камень Миску, чей взгляд не отрывался от невесты. Пальцы Дина коснулись мизинца Зафиры. Волнение, точно прилив, омыло её сердце.

Медленно растягивая слова, старейшина продолжал церемонию. Ясмин, стоя вдалеке от подруги, поймала её взгляд и многозначительно закатила глаза. Зафира, глядя в ответ, едва подавила смех.

– Как думаешь, брак всё изменит? – вдруг спросил Дин.

Зафира склонила голову.

– Что именно?

– Её. Её причудливость. Озорство. Нерушимое упорство.

Зафира тщательно подбирала слова.

– Миск любит Ясмин такой, какая она есть. Зачем ей меняться?

– Не знаю. – Дин крепче сжал её палец. – Я лишь думаю, что, привязываясь к другому человеку, ты невольно меняешься. Ради счастья любимого и ради собственного счастья ты становишься другим, даже того не осознавая.

Как Умм. Как Баба.

Церемония подходила к завершению. Солнце уже село, и на смену ему пришли фонари. В воздухе витал затхлый запах масла. Зафира склонила голову, одновременно желая и не желая знать больше.

– Но как?

Дин смотрел на неё, вот только Зафире не хотелось отвечать на его взгляд. Она понимала, что за этим последует: вопросы и просьбы, мысли и разговоры о будущем, предложения и отказы.

В то время как умиленные возгласы и песни разносились по воздуху, ответ Дина прозвучал тихим шёпотом, едва коснувшимся маленьких волосков на раковине её уха.

– Если бы я только знал...

Глава 6

С наступлением ночи Насир не ожидал увидеть в своих покоях зажжённые фонари и раздвинутые занавески. Ещё меньше он ожидал ощутить прохладный ветерок и найти Альтаира, развалившегося на его кровати прямо в сандалиях.

Грязный подлец.

– Что ты делаешь в моих покоях? – прорычал Насир. – Кто тебя пустил? Тебе поговорить не с кем? Или бедные души, которые ты соблазняешь, нынче закончились?

Альтаир открыл рот, но остановился, подняв палец.

– На какой вопрос ответить в первую очередь?

Он не спешил вставать. Напротив, генерал решил взбить подушки за спиной, как будто не *он* вторгся в чужие покои, а *Насир*.

Альтаир, одетый в тёмно-синий тюрбан и красновато-коричневый тауб с расшитыми золотом манжетами, заметил взгляд Насира, направленный на его наряд.

– В «Проклятом всаднике» вечеринка. Ты присоединишься ко мне?

«Ты». Ни уважения, ни этикета, ни титулов. Просто «ты».

– Я не балуюсь развратом. И уж тем более ноги моей не будет в шатре, полном пьяниц, – как можно спокойнее возразил Насир. – А теперь прочь с моей кровати.

Альтаир поднялся с драматическими жестами и тяжёлым вздохом.

– Будет весело, Насир. Тебе нужно повеселиться! Убийства тебя состарят. Сколько тебе лет, кстати говоря? Двести? Двести один?

В отличие от тихого – слишком тихого, по мнению покойной матери – голоса принца, голос Альтаира звучал задорно, громко, беззаботно.

– Двадцать, – раздражённо отчеканил сын султана.

Альтаир рассмеялся глубоким тягучим смехом. Насир, к своему разочарованию, всегда наслаждался этим звуком.

– Ах да, я так и думал. Кстати, где твоя прекрасная служанка? – Альтаир сложил руки вместе, оглядывая пустую комнату. – Та, которую ты украл у матери?

Пальцы Насира задрожали. Расстегнув верхнюю мантию, он выставил на обозрение оружие. Принца не пугали генеральские сабли, поскольку в силах они были равны. Альтаир, однако, имел свой предел, и Насир, будучи хашашином, его замечал.

Альтаир то открывал, то снова закрывал дверцу лампы, наполняя комнату скрипучими песнями петель.

– В твоём воображении, – невозмутимо заявил Насир.

– Твои манеры изумительны как всегда, – провозгласил генерал. – Так о чём я? Ах да, о служанке! Хотел бы я ещё разок взглянуть на её совершенство, ведь *она* стала причиной, по которой ты «не балуешься развратом», да? – протянул он, подражая голосу Насира.

Вот только принц и не думал лукавить. Он действительно не разговаривал с Кульсум уже несколько месяцев. Всякий раз, когда она приближалась, Насир отступал.

– Оставь меня, – велел Насир после долгой паузы, наполнившейся звоном стали, когда он снимал оружие.

– Как жаль. А я-то думал, тебе захочется узнать о таинственной миссии и поисках. *О том*, чем так увлечён султан.

Челюсть Насира дёрнулась. Пока принц развешивал оружие над прикроватным столиком, Альтаир, не удосужившись даже подойти к двери, внимательно за ним наблюдал. Ублюдок знал, чем зацепить интерес.

– Что тебе известно? – осторожно полюбопытствовал Насир, наливая стакан воды. У него могла быть толпа слуг, чтобы наливать ему воду, помогать переодеваться или наполнять купель, но он отдал приказ не входить в покои. Чудовища предпочитают одиночество.

Насир сел на край кровати.

– Больше, чем тебе, – склонившись к нему, заговорщически прошептал Альтаир.

– Говори, – потребовал Насир, как только вода омыла его пересохшее горло.

– Да, мой повелитель, – насмешливо отозвался генерал. Искорка загорелась в его глазах.

Насир, гневаясь на столь небрежный тон, чуть не запустил ему в голову стаканом.

– Если ты решил, что я заплачу за информацию, то можешь об этом забыть.

– О, благодарю, но золота мне хватает. – Альтаир усмехнулся. – Самые лучшие платежи не имеют к деньгам отношения. Пойдём со мной в «Проклятого всадника», и мы поговорим за бокалом.

Насир стиснул зубы. Альтаир тем временем прикоснулся двумя пальцами ко лбу, изображая почтение, и покинул покои. *Вот хорёк.*

* * *

Недалеко от дворца на горбатых песках стояла сутулого вида передвижная таверна. Насир понятия не имел, откуда Альтаир узнал о ней. Хотя в том и заключалась работа солдат и командующих.

«Проклятый всадник» казался иным миром, поскольку ни одно другое место в городе не выглядело настолько *живым*. Неизменное раздражение ни с того ни с сего умиротворилось незнакомой тоской. Сын султана замедлил шаг.

Нельзя поощрять подобные чувства.

Едва шатёр закрылся, Насир последовал за ухмыляющимся Альтаиром. Пока он обходил сгрудившихся на выцветших ковриках мужчин, от бардака, невыносимой жары и шума толпы голова шла кругом. Пробираясь мимо посетителей, Альтаир поздоровался с несколькими знакомыми. Насир ожидал, что шатёр погрузится в тишину и в глазах людей поселится страх.

Но люди лишь мельком взглянули на вошедших. Насира они и вовсе не узнали.

Неужели прилив свободы вызван незаметностью?

От запахов тел и алкоголя зубы невольно скрежетали. Видимо, Насир покинет это место со слоем грязи на одежде. От зловония желчь подступала к горлу, однако Насир взял себя в руки, чтобы не давать Альтаиру очередного повода для насмешек.

Они вдвоём протолкнулись к низкому столику, расположенному слишком близко к центру. Насир окинул шатёр взглядом, отметил самых трезвых посетителей, посчитал входы и выходы и, наконец, остановил взор на окутанных тенью столах. Четверо мужчин в серебряных плащах султанской гвардии, кучка людей в чёрных сарасинских мундирах и несколько темнокожих мужчин, которые могли быть только пелузианцами, вели жаркие беседы с зарамскими приятелями. В Крепости Султана жило немало деменхурцев, но эти дураки, вероятно, пили лишь талый снег вдали от таверны.

– Я буду тебе защитой, мой славный убийца. Может, перестанешь таращиться, как будто мир вот-вот проглотит тебя? – прошептал на ухо Альтаир.

Насир закрыл глаза, *услышав* его ухмылку. При этом принца чуть не вырвало.

У Альтаира хватило смелости взять Насира за плечи и направить к изношенному ковру, где принц уселся как простой крестьянин. Это единственное, что он мог сделать в попытке сдержать гнев по отношению к генералу.

Альтаир засмеялся, явно наслаждаясь каждым ударом сердца.

– Слюнявчик принести?

– Ещё слово, и я запихну твой модный тюрбан тебе в глотку, – сообщил Насир, разглядывая покрывающие ковёр тёмные пятна неизвестного происхождения.

Насир пришёл ради информации. Он видел и делал кое-что похуже этой мерзости.

– Модный? Да ладно, не нужно лести. Синий мне не к лицу. – Альтаир, подмигнув, устроился с противоположной стороны стола.

Насир не удосужился ответить. Кто-то приоткрыл один из многочисленных пологов шатра, и луна заглянула внутрь, принесла с собой прохладный ветерок. В пустынях Аравии не было ничего прекраснее и любимее луны, дарующей облегчение после безжалостного солнца. Ещё одно явление, которое сгущающаяся тьма стремилась искоренить.

– *Marhaba*, – поприветствовала служанка. Зелёный камень – скорее всего, фальшивый – украшал обнажённый пупок. Кожа рук сверкала переливающейся пудрой.

Улыбка Альтаира заметно расширилась, и девушка восприняла это как разрешение подойти ближе.

– Скажи мне, *habibi*²⁷, мне идёт мой тюрбан? – пропел Альтаир.

Насир, скрестив на груди руки, вздохнул.

Девушка провела испачканным в хне пальцем по тюрбану, и тут же на розовых губах засияла улыбка.

– Как *мне* кажется...

Служанка наклонилась ближе, коснувшись Альтаира волосами.

– Вы выглядите... изумительно, – прошептала она.

Насир приподнял бровь, когда девушка провела губами по щеке Альтаира.

Генерал, чей взгляд затуманился голодом, глупо усмехнулся. Он пускал слюни, как собака, которую только что похвалил хозяин. Девушка захихикала. Альтаир ответил на удивление Насира спокойным взглядом, после чего повернулся к служанке с новой улыбкой.

«Как же быстро он меняет лица».

– Принеси-ка кофейник, – велел генерал.

На лице Насира застыло изумление. *Кофе?* Он думал, что генерал собирался выпить.

– А для моего друга... – Он смолк, указывая на Насира, нахмурившегося при слове «друг».

– Воды.

Девушка буквально ошетилилась, коснулась щеки Альтаира и тотчас ускользнула. Глаза генерала жадно проводили служанку.

– Я знал, что ты скучный, Насир, но пить воду в таверне? Не уверен, что она вообще у них есть. Хотя можно набрать в туалете...

Насир прикусил язык.

– Твоя сдержанность меня поражает, – продолжил Альтаир.

«*Неужели кофе ему чем-то поможет?*»

– А у тебя она напрочь отсутствует, что, к слову, не может не раздражать, – ответил Насир.

– Кто-то ищет способ забыться, – до странности торжественно заметил генерал.

Насир, невольно проследив за взглядом собеседника, остановился на пьяном мужчине. Дурак, потерянный и отрешённый, пристально глядел в стакан, пока вдруг не моргнул, охваченный вспышкой боли. Насир крайне сомневался, что Альтаир замечает его муки.

– Некоторым из нас не суждено забывать. – Насир не знал, почему из всех людей он сказал эти слова именно Альтаиру.

Будто напоминая об идиотизме Насира, Альтаир бросил на него испепеляющий взгляд.

– Некоторые из нас этого не заслуживают.

---

²⁷ Дорогая.

Девушка вернулась раньше, чем Насир успел возразить. Она поставила кофейник и чашку перед Альтаиром и небольшой стакан воды перед Насиром. Содержимое выглядело чистым и не пахло так, будто его зачерпнули... оттуда.

– *Shukrun, habibi*²⁸, – сказал Альтаир, проведя тыльной стороной пальцев по её руке.

У Насира загорелись уши, когда генерал наклонился к служанке, что-то пробормотал и вложил ей в ладонь обрывок папируса.

– Послушай, – начал Насир, но девушка встала и с прощальным взглядом направилась прочь. Спустя миг она остановилась перед мужчиной в чёрной форме. Сарасинский солдат.

– Дурной тон – глазеть на женщину, когда ты с мужчиной, – протянул Альтаир.

Насир с отвращением взглянул на него.

– Кто бы тебе ни сказал, что...

– Я сам это придумал, – перебил генерал.

Насир заметил, как девушка что-то передала сарасинцу. Обрывок папируса.

– Не суй нос в чужие дела, мой принц.

Насир с усмешкой взглянул на солдата, но теперь тот стоял в одиночестве, глядя в ответ с холодным безразличием. Был ли он частью отряда, которому поручили отравить деменхурцев газом? Насир этого не знал.

– Всё, что я делаю, – я делаю во благо королевства, – продолжил Альтаир. – Разве не это диктует наш долг? Должна ведь существовать какая-то *веская* причина, по которой ты таскаешься по халифатам, убивая невинных людей. – Он налил в чашку чёрного кофе, столь неуместного в шатре, полном алкоголя и шумных мужчин. Генерал заметил, что Насир не сводит глаз с его чашки. – Мне казалось, из всех людей именно ты должен был заметить, что я выше человеческой склонности затуманивать свой разум.

Насир был наполовину сафи, но даже он называл себя не иначе как человеком. Тем не менее Альтаир не ошибся. Всякий раз, когда генерал возвращался с ночных прогулок, Насир замечал в его взгляде поразительную ясность. Он лишь не ожидал, что мужчина в таверне отдаёт предпочтение горькому кофе.

– Так о чём мы? Ах да. О миссии... – Альтаир, вытянув ноги по обе стороны стола, даже не потрудился понизить голос.

Насир открыл рот, чтобы расспросить о девушке и папирусе, но солдата уже и след простыл.

– Странно, что твой треклятый отец предпочёл умолчать о своих грандиозных планах.

Насир замер. Никогда прежде Альтаир так грубо не отзывался о султани.

– Серебряная Ведьма отправила особое приглашение. Такое, перед которым трудно устоять, – начал Альтаир, осушив чашку кофе.

Если султан советовался с Серебряной Ведьмой, значит, жди беды. В Крепости она стала частой гостьей, но Насир всегда держался на расстоянии от прекрасной женщины, которая смотрела на него слишком внимательно.

– Письмо – изысканный способ кое-что выманить у Шарра...

– Шарр? – повторил Насир прежде, чем смог остановиться. Остров... *kharra*. Все мысли в его голове развеялись, точно песок под порывами ветра.

– Не перебивай, – нахмурился Альтаир. – Что бы это ни было, оно вернёт волшебство минаретам Аравии. И ты – значимая часть плана.

– Я. А награда за это...

Насир резко смолк, получив пинок. Он вскинул взгляд, но выродок уже прошёл мимо. Сухой ветер вновь проник в палатку, взъерошив волосы и всколыхнув какофонию запахов.

---

²⁸ Спасибо, дорогая.

– Я знаю лишь то, что за этим стоит Серебряная Ведьма, и только чистые сердцем смогут найти предмет вожделений.

– Отлично. А я, значит, чистый сердцем? – усмехнулся Насир.

В трёх столах от них завязалась драка между болтливым зарамцем и крупным мужчиной в потной рубахе. Насир потёр виски, когда в и без того невыносимом грохоте поднялись ворчание, треск и ругань.

– Но когда-то ты думал, что чист? – невозмутимо спросил Альтаир. – Гамек не доверяет Серебряной Ведьме по причинам, которых мне не понять. Твоя задача – убить человека, который найдёт трофей, и принести его отцу.

Вот *эта* задача больше подходила принцу.

– Видишь? Вопреки ненависти, Гамек доверяет только тебе, – объяснил Альтаир.

Вот только Гамек *никому* не доверяет. Даже собственному сыну, не говоря уже о ведьме, у которой он искал совета.

Придя к тому же выводу, Альтаир выдавил невесёлый смешок.

– Нет, это не так. Просто ты единственный, кого он может заставить, и единственный, кто не сломается, выполняя его приказы.

Слова Альтаира стали пощёчиной. Насир давно привык к обвинениям, но не к всепоглощающему чувству трусости, которое их сопровождало. Стиснув зубы, он бросил взгляд на генерала. Жалость к себе может подождать.

– И, боюсь, то, что ты добудешь, станет последним, что ему нужно, – заключил Альтаир. «*Нужно для чего?*» – чуть было не спросил Насир.

Тревога отразилась в гордых чертах Альтаира, искривила его гордый рот. Чувство, которого Альтаир, владея собой, никогда бы не выдал.

Происходило нечто более зловещее, чем Насир мог вообразить.

Где-то на даамовом острове Шарр, не меньше.

Глава 7

Умм всегда знала, что её дочь не боится Арза так, как трепещут перед ним другие дети. Укладывая Зафиру спать, мать шёпотом слагала истории о суровых стражах султанши. Наслушавшись сказок, Зафира видела во снах погони и мужей в серебряных капюшонах. Пускай мать и уступала отцу в сказительстве, в умении слагать страшные истории не было ей равных.

Теперь, когда султанша погибла, в каждой тени Зафира замечала разнообразные оттенки серебра.

Письмо... Женщина в серебряном плаще...

Она лежала в постели. Кожа болела от адского платья, которое всего несколько часов назад туго облегалось её тело. Как и всегда, Ясмин находилась на расстоянии одного дома от Зафиры, но новое чувство тоски и недостижимости одолевало душу.

«Что за бескрайний эгоизм».

Она зажмурилась, со стоном открыла глаза, стараясь выбросить из головы Ясмин и Миска. И Дина, который, взвалив на плечи громоздкую сумку, с горько-сладкой улыбкой отправился к другу. Там ему предстояло провести несколько ночей, пока Ясмин не переедет в дом Миска.

«Милостивые снега».

Теперь в жизни Зафиры появился новый повод для беспокойства. Предстоящий через два дня поход. На даамов Шарр.

Зафира выбралась из кровати. Худой матрас не заглушил скрипа старого дерева. Придётся просить Дина взглянуть на каркас. Он любил возиться с разнообразными материалами и создавать вещи, которыми мечтал поделиться с пелузианцами, живущими в двух халифатах от родного Деменхура.

Зафира надела выцветшую тунику и тяжёлый плащ Бабы, набросила небольшую сумку, оттолкнув в сторону громоздкий мешок отца. Пузатая сумка будет сопровождать её в путешествии на остров. С собой Зафира думала взять запасную одежду, любимое мыло и набор редких лекарственных средств, которые Баба собирал долгие годы: полоски ткани, тоники, мази для ран, травы, смолу от ожогов. Всё это богатство было собрано во времена, когда Деменхур ещё не был проклятой снежной пропастью. Во времена, о которых Зафире оставалось только мечтать.

Поднявшись со вздохом, Зафира услышала вой ветра и стук входной двери, но в комнате находилась лишь Лана, свернувшаяся на подушках с книгой на коленях. Когда Зафира открыла рот, чтобы спросить о позднем госте, она вдруг заметила предмет чтения сестры.

В свете очага сверкнуло серебро.

Kharra. Kharra, kharra, kharra.

– Что делаешь? – отрывисто спросила Зафира.

Лана вздрогнула. Глаза остановились на сумке и охотничьей одежде. Рядом с сестрой, сверкая сладким сиропом, стояла тарелка Айш эль-сарая, которую Лана принесла со свадьбы.

– Ты собиралась рассказать мне и Умм? – спросила Лана с обвинением в сладком голосе. Она подняла письмо. Морщина на лбу сестры обеспокоила Зафиру больше, чем ей хотелось.

– Я только сегодня его получила. Потом мы ходили на свадьбу.

«А ещё есть другая небольшая проблема. Я больше не разговариваю с Умм».

Какое-то время Лана молчала. Обвинение на лице сменилось болью, ранящей сердце Зафиры.

– Но ты собиралась сказать?

– Может быть. Не знаю. Разве теперь это имеет значение? – устало спросила Зафира и протянула руку.

Лана, прежде чем вернуть приглашение, сложила его пополам. Вскрытая печать ярко сверкала, подобно улыбке женщины в серебряном плаще.

Зафира потянулась к старому пледу возле входной двери и нечаянно коснулась пыльного плаща. Плащ Бабы. У него всегда находились самые сложные изречения на все случаи жизни. Цвет плаща он описывал как цвет вод Баранси в самые безветренные дни под самым облачным небом. Баранси при этом он никогда не видел.

Небеса милостивые. У Зафиры появился шанс увидеть море собственными глазами.

Баба не только коллекционировал истории, но и славился ораторским талантом. Он не застал падения Сестёр, но за все годы жизни собрал множество легенд: как Баранси стал опасным, как возник Арз, окаймивший халифаты и заслонивший море от Аравии. Именно благодаря его рассказам Зафира знала так много.

Часть Бабы до сих пор жила в доме – его сапоги, его любимая чашка. У Зафиры не было ни сил, ни воли, чтобы избавиться от памяти. Её раздражал вид бардака, но даже спустя годы, ежедневно прибирая дом, по вещам Бабы Зафира лишь проводила пальцами, вздыхая с бесконечной печалью.

В его смерти она винила только себя. И знала, что вина останется с ней до конца её дней. Как жаль, что она не была сильнее, *лучше*.

Пять лет назад, когда Баба вернулся из Арза – спустя несколько месяцев после своего исчезновения, – Зафира первой заметила его состояние. Одежда была разорвана. Плечи ссутулились. К тому времени, когда она увидела кровь и правильно прочитала выражение его лица, отец уже шёл к ней. Готовый напасть на дочь, ради спасения которой отправился в Арз.

Через несколько мгновений он был уже мёртв, убит...

– Сестра?

Зафира вздрогнула.

– Прости. Мне очень жаль, – быстро проговорила Зафира, подоткнув потрёпанный плед под плечи сестры. Живот сжался, когда она почувствовала выступающие кости. – Поспи. Умм может проснуться в любой момент.

И тут же вслед за словами из комнаты Умм раздался тихий стон. Что-то инстинктивно подтолкнуло Зафиру к выходу. Она вспомнила стеклянные глаза Бабы, растекающуюся по груди кровь. Стиснув зубы, она собралась с духом.

– Вот и поспала. – Сморщив нос, Лана сбросила одеяло. – Неужели путешествие на Шарр начнётся послезавтра?

Зафира отвернулась.

– Да.

Разочарование Ланы походило на удар кулака в живот. Зафира заставила себя посмотреть в эти глаза. Глаза Бабы, серьёзные, мудрые.

– Мне очень жаль, Лана.

– Ты возьмёшь кого-нибудь с собой? – спросила сестра, с тоской взглянув на спрятанный под одеяло роман. – Сафи стали бы тебе хорошими союзниками.

– Об участниках мне ничего не известно. Но мы с тобой обе знаем, что сафи на нас плевать.

Так называемые великие сафи, обладатели заострённых ушей, повышенных способностей и бесконечных жизней, покинули Аравию в самый тяжёлый для людей период. Халифаты полагались на волшебство так же сильно, как пьяные мужи на свои стаканы, за исключением, конечно, жителей Альдерамина. И теперь, когда волшебство исчезло, сафи, как и прежде, вели прекрасную жизнь, эгоистично накапливая ресурсы и не обращая внимания на страдания Аравии.

– Быть может, они и хотят помочь, но не могут, – предположила Лана. – С одной стороны у них раскинулась Пустошь, с другой – Арз.

– Если бы захотели – уже были бы здесь.

Лана задумалась. Милые черты лица исказились.

– Ты – хороший человек, сестра. Но ты не можешь делать всё, что вздумается.

Зафира расплылась в нежной улыбке, понимая, что слишком много времени прошло с тех пор, как она позволяла себе сомневаться.

Лана остановилась по пути в комнату Умм.

– Тебе не обязательно соглашаться. Это лишь приглашение.

Но всякий раз, допуская эту мысль, Зафира чувствовала, что отказывает себе в чём-то. Отчего-то ей казалось, что она *всегда* этого ждала. И нынче, когда возможность наконец-то появилась, она просто не смела её упустить.

Её манил Шарр.

Манила опасность, даже невзирая на смерть в худшем из возможных исходов. От одной только идеи в жилах закипала кровь, и она не могла найти тому правильного объяснения.

– Обязательно, – сказала Зафира, удивив их обеих.

Лана не смотрела ей в глаза. Зафира прекрасно знала, что сестра не будет настаивать. Лана доверяла ей. Тем не менее, когда она кивнула и наконец-то промолвила согласие, Зафира ощутила глубокую тоску.

– Я скоро вернусь. Пойду на рынок... Мне нужно подумать.

Зафира медленно отступила, но вскоре набрала темп. Она зашнуровала сапоги, вложила в ножны джамбию Бабы. Баба научил её многим вещам: как натягивать тетиву без единого звука, как видеть ушами и ориентироваться по сердцу. После их первого похода в Арз он научил дочь защищаться. Научил, как приручить Арз. Но главным его уроком была привычка *никогда не оставаться без оружия*.

Что бы сказал Баба о желании притворяться мужчиной, которое Ясмин называла глупым? Какой бы дал совет? Хотел бы он, чтобы она отважилась поехать на проклятый остров, чтобы вернуть Аравии былое волшебство?

Зафира подняла защёлку двери.

– Сестра. – Лана наклонила голову, а затем протянула небольшой свёрток с едой. – Это поможет тебе думать.

Зафира бросила еду в сумку и прикоснулась пальцем к носу Ланы. С улыбкой она дотронулась до лба, оставив сестру с матерью, которую отказывалась видеть.

Глава 8

Насир и Альтаир настолько неожиданно появились возле громоздких дверей, что стражники даже не успели скрыть изумление. Насир и сам с трудом верил в случившееся: *он ходил в таверну в компании Альтаира, чтобы пропустить стаканчик воды и посмотреть на дымящийся кофе.*

– Доброй ночи, принц, – пробормотал Альтаир, отступая в коридор. – Постарайся обо мне не грезить.

Насир, проигнорировав шутку, поплёлся наверх по мрачной лестнице. *Шарр. Шарр. Шарр.* Слово опьяняло сильнее арака, от которого в таверне он предусмотрительно отказался.

Но стоило Насиру открыть дверь в свои покои, как он тут же позабыл о проклятом острове.

Насир замер.

Кто-то, затаившись справа от него, едва сдерживал приглушённое дыхание. Не теряя времени, Насир щёлкнул механизмом на запястье, но тут же вспомнил, что лезвия от наручей остались в прикроватном ящике. Чуть не рассмеявшись от собственного «везения», Насир потянул за ониксовую рукоять, обнажив джамбию. А затем, переведя дыхание, сделал медленный шаг вправо. Ещё один шаг... *Вдох.* Ещё два шага... *Выдох.*

Вдох. Принц повернулся, крепче сжав клинок... И наконец вытащил незваного гостя под серебряный луч лунного света. *Выдох.*

Волосы цвета воронова крыла, золотистая кожа, бездонные глаза. Мягкий изгиб тёмных губ.

– Кульсум, – выдохнул Насир, уронив на пол джамбию.

Руки его скользнули к её лицу. Ладони коснулись гладкой кожи. Пальцы погладили щёки. Напряжение в плечах пропало. Кульсум глядела в ответ с непреодолимым голодом, какой томился в глазах Альтаира в тот момент, когда он жадно провожал служанку взглядом.

Быть может, причиной был мрак. Или желание, отчётливо выраженное на её лице, которого Насир не видел слишком много месяцев. Или, возможно, всё дело было в беспорядочных мыслях и любопытстве Альтаира.

Насир не мог не задуматься, *зачем* она явилась в покои во время его отсутствия и *что* там делала.

Нет, не мог. Но всё же подарил Кульсум поцелуй.

Губы приблизились к губам; пальцы коснулись волос; тело прижалось к телу. Кульсум жадно поцеловала Насира. Её руки потянулись к его плащу, привлекли Насира ближе. В тот момент они перестали быть принцем и служанкой. Они превратились в равных, стали едины.

Rimaal. Как же Насир скучал по Кульсум. Эта девушка, служанка его покойной матери, стала ему невероятно близка. Подле неё осколок большого сердца бился быстрее; тело охватывал жар.

Но как только губы Кульсум приоткрылись, а руки потерялись в его волосах, Насир внезапно замер. Он вспомнил.

Вспомнил всё.

Под непроницаемым взглядом Кульсум сын султана отступил на шаг. Света луны не хватало, чтобы полностью раскрыть её облик.

– Уходи, – прохрипел Насир.

Кульсум не двинулась с места. Ни один из них не дышал. Боль отказа ранила сильнее меча. Они были прокляты, обречены забывать и вспоминать снова.

– Убирайся. Отсюда, – потребовал Насир, и слова его ударили точно нож.

Альтаир оказался прав: некоторые из людей не заслуживают забвения.

Кивнув, Кульсум аккуратно потянулась к принцу, будто боясь спугнуть. Насир остался на месте, и тогда она провела пальцами по его правой щеке, как прежде делала множество раз. На долю секунды веки его задрожали. Спустя миг, не говоря ни слова, Кульсум ушла. А что ещё оставалось?

Она лишилась языка. Лишилась по вине Насира.

Глава 9

Ночь тяжело опустилась на Деменхур, принеся с собой призрачную тишь. Прячась от снежных вихрей, Зафира закуталась в шарф, да так, что лица не было видно. Даже в плаще с капюшоном скрыться Охотнику было непросто, ведь в западных деревнях было не найти мужчины с перевязью стрел за спиной. И даже сам Охотник не являлся таковым. Зафира улыбнулась собственной шутке. Будь Ясмин рядом, она бы точно фыркнула, выразив пренебрежение.

«Небеса святые! Думаю о ней, точно о покойной!»

Зафира вела Сахара по холмистым заснеженным улочкам, разглядывая по пути покосившиеся, словно ряд неровных зубов, дома. Подобного вида строения – каменные, рыжевато-коричневые, возведённые на бесцветном растворе – были обычными для пустыни.

Вот только Деменхур более не являлся оазисом, каким слыл в былые времена.

Зафира, выдохнув пар в морозный воздух, продолжила путь.

Рынок, залитый лунным светом, манил своей таинственностью. От свадьбы на джуму'а не осталось и следа, хотя церемония завершилась всего несколько часов назад. Зафира, пройдя мимо красочной кондитерской, заметила заколоченные ставни. Впрочем, большинство других магазинов давно закрыли двери для своих посетителей. От прежних лавок остались лишь украшения, которые теперь пугающе покачивались на ветру.

Зафира остановилась у магазина, обретшего славу благодаря обслуживанию безработных суеверных жителей. За тёмным окном на полке выстроились грязные стеклянные бутылки, и одной Аравии было известно их содержимое. Поверье гласило, что их нужно развешивать в четырёх углах дома, чтобы отпугнуть ифритов. Создания бездымного пламени искусно принимали человеческий облик, как правило превращаясь в близких жертве людей. Вопреки способности использовать магию, как использовали её люди и сафи, ещё до прихода Сестёр Забвения ифриты приносили больше бед, чем любая другая раса.

Все Шесть Сестёр происходили из самых известных кланов, объединённых стремлением к лучшему миру. Больше всего Зафиру интриговала их сущность. Сёстры относились к расе силахов. Они были существами, которых простые люди понять не могли. Даже благородные сафи не смели поставить себя на один уровень с ними.

Собрав всех врагов, включая коварных ифритов, Сёстры не знали, в какую тюрьму их заключить. Тогда одна из них выступила с предложением. Она была сильнее других и непреклонна в своих идеалах, поскольку сердце её оставалось чистым.

На острове Шарр, где ей предстояло править, она создала неприступную тюрьму, куда Сёстры и заключили преследовавших их народ существ.

Украшения магазина покачивались на ветру, и стук металла о металл быстро вернул Зафиру из грёз. Глядя на стеклянные бутылки, она невольно задумалась, имели ли сосуды практическую ценность. Бродили ли ифриты по Аравии в человеческом обличье или же предпочитали оставаться невидимыми для глаз?

Зафира натянула шарф на нос и уже собиралась подтолкнуть Сахара, как вдруг заметила крошечных глиняных львов на передней витрине. От вида их по спине пробежала дрожь. Она не знала, что могли олицетворять глиняные кошки, учитывая, что Ночной Лев уже давно был мёртв.

Мать Льва была ифритом; отец – представителем расы сафи. Он никогда не прекращал борьбу, стараясь не допустить изгнания сына вместе с другими ифритами. Но жизнь в Альде-раминне выдалась трудной, ибо чистокровные сафи обладали гордостью, с которой никто не мог соперничать. В конце концов отца убили. Льва лишили волшебства. Разбили ему сердце.

Баба всегда использовал пример Льва, когда рассказывал Зафире об угнетении. Ведь Лев не позволил сафи подавить свою сущность. Нет, он обратился к величайшему достоянию Аль-

дерамина – знаниям. Он изучил всё, чему только можно было научиться, и овладел запретной магией крови.

Спустя время единственными существами, более могущественными, чем он сам, остались Сёстры. Как ни странно, сей факт мало его беспокоил, и он всё-таки обратил свой гнев против Позолоченного Трона. Зафире всегда казалось непонятным, почему Лев, обладая знаниями, сделал настолько глупый шаг. Сёстры быстро одолели его, заключили в тюрьму на Шарре и положили тем самым конец его смутному правлению.

Спустя десятилетия он устроил переполох и на острове, да такой, что надзирательнице пришлось позвать на помощь. Остальные Сёстры, вооружённые всей, до последней капли, магией Аравии, устремились на подмогу, чтобы навсегда избавиться ото Льва.

Но никто из них больше не вернулся.

Рёв Льва превратился во тьму. Логово – в тени. Шарр проглотил их всех – Сестёр, надзирательницу, Льва, даже тюрьму. Но ведь падение Аравии обернулось победой, разве не так? Даже если люди потеряли Сестёр и волшебство и даже если потеря дала Деменхуру повод упрекать женщин в несчастиях, в глубине души Зафира знала, что в тот день Сёстры их спасли.

Со своим последним вздохом они одолели Ночного Льва.

Зафира прижалась пятками к бокам Сахара. Быть может, крошечные львы являлись всего лишь украшениями, проявлением гордости за победу над человеком, который бросил вызов мужчинам, но пал от рук женщин.

– В-о-о-у. – Зафира натянула поводья перед ветхой постройкой, давно обгоревшей от пожара. Здание располагалось позади рынка, в тени изумительной Палаты Силаха.

Зафира, привязав Сахара к балке под надломленным карнизом, проскользнула между старыми перилами. Дверь отворилась со скрипом, за которым последовал шорох. Было время, когда голод стал настолько велик, что деменхурцы из западных деревень пировали гнилой плотью крыс, которая убивала чаще, чем сам голод. Было это ещё до того, как Зафира поддалась зову Арза.

По сей день Зафира помнила облегчение, которое отразилось на лицах родителей, когда она вышла из Арза с тремя кроликами в руке и пятном крови на щеке. Ни Баба, ни Умм не знали, куда она ушла, но это был первый раз, когда человек вернулся из леса, откуда не было возврата.

Несколько дней спустя Баба показал ей, как наводить стрелу и охотиться на оленя. Показал точно так же, как когда-то в лесах северного Деменхура учил его отец. Но когда Баба отнёс мясо в город и начал кормить жителей деревни, именно Умм напомнила Зафире, что, будучи женщиной, она не получит уважения за проделанную работу. Баба лишь улыбнулся, заверив, что Зафире нынче подвластно изменить взгляды самых стойких верующих, дать женщинам равенство, которое является их правом. Равенство, которое они обрели в других халифатах Аравии.

Но Зафира выбрала страх. Надев мужскую одежду, она продолжила охотиться с отцом, придумав имя, которое никогда не было её собственным. Имя, принадлежавшее мужчине в маске. Человеку, которого, в конце концов, не существовало.

Такая жизнь не могла не устраивать. Зафира стала причиной отцовской гордости и причиной сытых желудков деменхурцев. Это продолжалось до того дня, когда Зафира, Умм и маленькая Лана заболели гриппом, распространившимся по всему Деменхуру.

Пока Зафира лежала дома, прикованная к постели, еды становилось всё меньше. Мясо постепенно кончалось.

Баба решил, что сможет охотиться, как охотилась его дочь. Но вместо добычи он обрёл сумасшествие и почти потерял человеческий облик.

Стоя в ночной темноте, Зафира выдыхала пар в морозный воздух. Она осторожно поднялась по лестнице, пропахшей плесенью, зная, какие ступени были сломаны, а какие –

непрочны. Каждая из трёх лестничных клеток заканчивалась пустыми комнатами. Когда-то это была гостиница, где встречали гостей из других халифатов. Гости те прибывали в Деменхур, чтобы торговать и отдыхать. *Или получить удовольствие*, как сказала бы Ясмин с многозначительным блеском в глазах.

На верхнем этаже Зафира распахнула дверь на крышу и от внезапного порыва ветра плотнее завернулась в плащ.

Именно сюда она приходила, чтобы освободиться от мира и от себя – от всех, кто так много ожидал от Охотника.

Однако сегодня Зафира была не одна.

На другом конце крыши стоял силуэт. Профиль его сиял в свете звёзд. Похоже, не только она не выносила замкнутого пространства.

– Я пришла, чтобы...

– Подумать, – закончил за неё Дин, склонив голову. Облака на небе разошлись, позволив луне озарить его улыбку. – Я знаю. Но если чувства твои под стать моим, то лучше тебе не оставаться одной.

Зафира не знала, что ответить. Ей хотелось обнять Дина, однако после многозначительного взгляда на свадьбе идея не казалась такой уж хорошей. Вместо этого она подошла ближе, прижалась плечом к его плечу, борясь с волной душевного ликования, и вместе они принялись глядеть на Деменхур.

Слева тянулись крохотные домики, затенённые полумесяцем тьмы там, где безжалостно наступал Арз. Прямо под ними находился рынок, а справа – мерцающая в лунном свете Палата Силаха.

Палата Силаха представляла собой скромное подобие дворца. Её каменные стены давно осыпались. Тёмные прожилки гнили резко выделялись на бежевом фоне, напоминая, что здание возводилось для пустыни, а не для бесконечно влажного климата. И всё же, невзирая на ветхость, сооружение искрилось великолепием. Прямо к тяжёлым облакам вздымались два шпиля из блестящей слоновой кости, а между ними стражем стояло главное здание.

Глядя на эту красоту, Зафира не могла представить великолепие дворца в Тальдже, где находился королевский минарет – маяк, купающийся в тенях с момента исчезновения волшебства. А уж дворец в Крепости Султана она и не пыталась вообразить.

– Знаешь, чем я всегда хотел заниматься? – Дин приблизился, опустил её капюшон.

В свете луны Зафира почувствовала себя нагой. Инстинктивно она огляделась, но, кроме них, на крыше никого не было.

– Чем? – отозвалась Зафира, думая, что знает.

– Путешествиями, – мечтательно ответил Дин.

Зафира изумлённо приподняла брови. Дин, глубоко задумавшись, рисовал пальцем в перчатке узоры на покрытых льдом перилах.

– На белом свете есть не только Аравия, Зафира. Я уверен. Мир не может состоять из пяти халифатов, пустоши и смертоносного моря. Я хочу путешествовать, открывать новые места. Встречать новых людей.

Судя по теплу, что разлилось по телу, Зафире и сердцу её понравился этот план. Будь жизнь проще, она бы тоже захотела путешествовать. Зафира глядела вдаль на преграду в виде Арза. Леса, который можно будет искоренить, если она примет приглашение.

– Ты везде побывал. Ты прошёл Зарам, Пелузию, даже бесплодную Пустошь. Ты бывал в Альдерамине. Видел *песок*, – с ноткой зависти промолвила Зафира. Она представила себе мир, устланный жгучим песком, исцелованный горячим солнцем. Песок, который щекочет пальцы ног, хрустит на зубах. – На что он похож, Дин?

– Он прекрасен. Бесконечен. Он напоминает свободу, живущую под безжалостным солнцем, – нежно пропел он. – Да, жара – это бич, но разве холод не хуже? – Дин вздохнул. – Я доволен жизнью. Но чувствую... *потребность* в чём-то большем.

Впервые желание Дина настолько совпало с желанием Зафиры. Он, как и она, тоже хотел чего-то большего. Однако юношу беспокоило *другое*. Зафира заметила это в хмурых чертах.

– В чём заключается твоя потребность?

Дин бросил на Зафиру понимающий взгляд. Заглянув в его карие глаза, Зафира вдруг осознала, что шагнула чуть ближе. В столь маленьком пространстве, настолько близком к луне, всё казалось возможным.

Ветер всколыхнул её волосы. Дин осторожно поднял руку, заправил ей за ухо чёрные пряди. Услышав его медленный и дрожащий вздох, Зафира поняла, насколько они оба были одиноки.

– Ты выйдешь за меня замуж? – Слова слетели с его губ стремительно, как будто сердце хотело насладиться ими, но мозг был слишком измучен, чтобы позволить.

Зафира открыла рот. Снова закрыла. Она знала, что это случится. *Знала*. Но почему именно *сегодня*? Почему *сейчас*?

Дин отвёл взгляд. Сколько раз она видела его улыбку? Сколько раз он бегал за ней, рыча и притворяясь арзскими монстрами из страшилок родителей? Сколько раз он прижимал её к груди, делясь теплом, когда она дрожала от холода?

Дин потратил последние деньги на покупку изумительного шоколада сафи, чтобы приготовить лучший напиток в жизни Зафиры. Он утешал её после смерти Бабы и был рядом, когда сердце её ожесточилось.

Она смотрела в ночь, пока глаза не начали гореть.

– Дин, я... – Язык потяжелел.

«*Я не такая, как Ясмин*».

И дело не в том, что она не хотела замужества. Она просто хотела *большего*. Разве он только что не упомянул, что мечтал о том же?

– Я пока не готова выйти замуж.

В прекрасных глазах юноши вспыхнуло сомнение, отчего живот Зафиры скрутило.

– А когда ты *будешь* готова?

– Я выйду за тебя, – без колебаний ответила она.

Сердце подсказывало разуму, что она лжёт, но Зафира проигнорировала их спор. Это не было ложью. *Не было*. Она просто не могла думать о замужестве, когда сестра сердца только что покинула её. Когда за ней отправили убийц или кого-то другого. Когда Арз наколдовал женщину в серебряном плаще – ту, которая утверждала, что она проклята. Когда приглашение на даамов Шарр полыхало на серебряном пергаменте.

Дин выдохнул, кивнул, однако напряжение его заметно усилилось.

– Я не идиот, Зафира. Я не прошу тебя выйти за меня лишь потому, что сестра только что связала себя узами брака. Но я подумал... – Он замолчал, отчего сердце Зафиры забилось быстрее. – Я думал, что я для тебя значу чуть больше... чем смертный приговор. Я думал, брак подарит тебе другую жизнь. Ещё одно чувство цели. Разве не это ты ищешь в Арзе?

– О чём ты? – прошептала Зафира. В Арзе она ничего не искала. Она *охотилась*. Она сама не знала, чего хотела и ждала.

Но сегодняшнее приглашение... Оно возникло как по волшебству.

– Ты собиралась мне рассказать? – устало спросил Дин. – О письме, Зафира. О приглашении, которое спрятано у тебя в кармане.

Зафира прикусила язык. *Лана*. Значит, это *Дин* приходил, пока Зафира находилась в своей комнате.

– Я хорошо тебя знаю. Я видел тот взгляд на свадьбе, но почему-то решил, что это из-за Ясмин. Я ошибся, ведь правда? Точно так же ты смотришь на Арз. Мне стоило сразу догадаться.

Зафира вскинула брови.

– Как смотрю?

– С восхищением. С *обожанием*, – прошептал Дин, стиснув челюсти.

От его слов пульс участился. Разве не этим же словом Зафира описала взгляд женщины в серебряном плаще?

– Я не знаю, откуда взялось приглашение, но оно – прямая дорога к хаосу.

– Дин, это дорога не к хаосу, а к *волшебству*. У меня появился шанс вернуть магию. Неужели ты этого не хочешь?

Теперь, когда Дин знал правду, Зафире захотелось кричать, запрокинув голову. Каждая история, которую рассказывал Баба, могла стать *реальной*. О, как бы она хотела почувствовать тот прилив волшебства, который в былые времена испытывали люди.

– Ты не слишком рад, насколько я вижу.

– Ты, верно, забыла про Шарр? Кроме того, чтобы попасть на остров, тебе предстоит перебраться через весь Арз.

– Я каждый день хожу в лес.

– Да, но не пересекаешь его целиком, Зафира. Ещё никто этого не делал. Вполне вероятно, что в конце пути таится волшебство, но это вовсе не значит, что ты достигнешь конца. Не стоит даже надеяться. – Дин потёр лицо рукой.

– Ты только подумай, – настаивала Зафира, видя его расстройство. – Волшебство положит конец проклятому снегу. Арз не уничтожит Аравию, потому что Арза и вовсе не будет. У тебя появится шанс осуществить мечты.

– Но какой ценой?

Глаза их встретились, застланные холодным туманом.

– Любой ценой. Я многим обязана этому миру. Я в долгу перед ним и должна попытаться.

– Ты ничего не должна. Ты хоть знаешь, откуда письмо? Ты серьёзно думаешь, что волшебство можно вернуть с помощью книги?

В ответ на молчание во взгляде Дина промелькнула тревога. Тишина царила между ними, пока Дин наконец не вздохнул.

– Да уж, Зафира. Значит, ты всё-таки решила пойти? В одиночку?

– Думаю, да, – призналась она, но тут же ощутила необходимость сказать больше. – Как далеко мы сможем бежать, прежде чем Арз нас настигнет? Бег – это не жизнь.

Снова тишина. Тишина, которая зародила в глазах Дина печаль. Зафира взяла его руку, обвила мизинец. Взгляд Дина замер на её губах, напомнив, что он больше не тот мальчик, который считал Зафиру сестрой. Что Зафира больше не маленькая девочка. Что он только что попросил её руки.

Подобная близость не сулила ничего хорошего.

Словно прислушиваясь к мыслям, Дин заправил непослушные пряди за ухо и с восхищением в блестящих глазах наклонился ближе. Зафира в ответ невольно облизнула холодные губы. Золотые кудри на его лбу просились ей в руки, но взгляд упал на его пухлые губы.

– Зафира, – прошептал Дин.

«*Выходи за меня замуж*». Даамов мозг снова включился. Зафира отступила на шаг. Слова из письма вызвали желание глотнуть воздуха.

– Не надо, – дрожащим голосом прошептала Зафира в ответ.

Яркий свет луны освещал глаза Дина, горевшие желанием.

И Палату Силаха, возвышающуюся за его спиной.

Сердце ныло от боли, но Зафира, собрав в груди осколки, отвернулась.

Глава 10

С каждым шагом Сахара думать Зафире становилось труднее. С решением нельзя было медлить. Теперь, если она решилась на подвиг, каждый прожитый миг приближал её к новой охоте. К Шарру. К прощанию с деревней.

С тяжёлым вздохом Зафира соскользнула со спины жеребца.

Дин, сидя верхом на Лемане, не отставал. Поначалу предложение провести остаток ночи в доме Зафиры казалось безобидным, однако теперь волнение накрепко укоренилось в душе. Во время непродолжительной поездки домой Зафира не раз заводила разговор, но каждая попытка сводилась к тревожному молчанию или несколькими словами.

Грязный переулочек, ведущий к хлипкой конюшне между домом Зафиры и домом Раадов, освещался тусклым светом. Подойдя, Зафира коснулась трещины в кухонном окне. За стеклом по-прежнему стояло трио горшков с травами, увядшими и потемневшими, вопреки немалым стараниям Ланы. Таким был и сам Деменхур, когда-то славившийся тем, что выращивал лекарства для всей Аравии.

«У Деменхура появится шанс вернуть себе доброе прошлое».

Вздыхнув, Зафира исчезла в конюшне.

Внутри Дин зажёл два фонаря, поставил Лемана рядом с Сахаром. Зафира приласкала коня, и тот в ответ уткнулся в неё, встревоженно фыркнув.

Предупреждение, на которое она и не подумала обратить внимание.

Внезапно с левой стороны Зафире почудилось движение, и она инстинктивно схватилась за капюшон. От страха в жилах застыла кровь, рассудок помутнел.

Серебряная вспышка пробудила ужас.

– Мир тебе, Охотница.

Первым ахнул Дин, нарушив глухую тишину.

Зафира узнала голос, его мелодичность. *Охотница*. Она резко обернулась.

Хотя двери конюшни были закрыты, ведьме ничто не помешало материализоваться. Зафира ощутила нечто тяжёлое, таинственное, и в тот же миг Дин схватил её за руку. Сахар и Леман отпрянули к стене, заливаясь испуганным ржанием.

Плащ женщины переливался, как жидкий металл, и только теперь, глядя на незнакомку без снежной завесы, Зафира поняла, насколько она юна.

«Святые небеса. Она настоящая».

Женщина и вправду стояла на границе Арза, шепча загадочные слова. Она спрятала письмо в сумку.

«Но зачем она здесь?»

Зафира подняла подбородок. Нет, она не выставит напоказ закравшийся страх.

Сахар и Леман продолжали испуганно биться. Дин пытался их унять, но опасения хозяина лишь усилили их борьбу. Тогда женщина взмахнула рукой, и воздух задрожал, прежде чем лошади затихли.

Нет.

Лошади и вовсе перестали дышать.

Глаза Дина широко распахнулись. Зафира еле сдержалась, чтобы не отпрянуть.

Волшебство. Волшебство, которого не должно было существовать. Однако другого объяснения не нашлось. Как *ещё* она могла успокоить лошадей? Как могла появляться из воздуха и так же загадочно исчезать?

Гниющие стены конюшни будто превратились в железную клетку.

Женщина без всякой радости рассмеялась, пронзив Зафиру тёмными глазами. Древними глазами, как она только сейчас поняла. Юное лицо было уловкой. На что ещё способна эта женщина?

– О, с лошадьми ничего не случится. Но, чтобы слух мой остался острым, пускай подождут моего ухода. – Глаза женщины остановились на чёрной плесени; нос сморщился от зловония. – Который, я надеюсь, случится скоро. Ты хотела меня видеть?

Зафира не собиралась реагировать на то, что женщина ответила на её безмолвный вопрос. Не желала удивляться тому, что из всех моментов она вздумала явиться именно сейчас, когда рядом оказался Дин.

– Кто ты?

Багровые губы изогнулись в кривой улыбке.

– Серебряная Ведьма. Подходящее имя для образа, *laa*?

«*Полное отсутствие воображения. А как быть, если захочется сменить плащ?*» – подумала Зафира, удивляясь собственным мыслям. Казалось, какая-то её часть до сих пор не осознавала серьёзности положения.

– Ты друг или враг? – выпалила Зафира. Дин одновременно что-то пробормотал.

Улыбка женщины заметно расширилась.

– Кто-то вроде тебя.

Зафира бросила взгляд на Сахара. Шёлковая тень ласкала её кожу, напоминая об Арзе, вселяя в сердце страх. Фонари в конюшне мерцали.

– У нас нет ничего общего, – мрачно возразила Зафира.

Злорадство исходило от незнакомки подобно утреннему туману.

Ведьма хмыкнула, но возражать не стала.

– Совсем скоро Арз громом обрушится на твоих людей.

Зафира и без ведьмы знала это. Она родилась с этим знанием, засыпала и просыпалась с этим грузом. Изюна в день дышала ужасом. И всё же ей совсем не понравилось, что женщина назвала жителей халифата «её людьми».

– Они не рабы. Они не принадлежат мне.

Женщина – *ведьма, небеса святые* – выглядела самодовольной.

– О, зато *ты* у них в рабстве. Ты охотишься, чтобы они ели, печёшься о них. Открыв письмо, первым делом ты подумала о *них*. В твоём королевстве, быть может, и правит король, но ты, Охотница, – его равнодушная королева.

– Письмо, – сквозь зубы произнесла Зафира так грозно, что Дину пришлось оттащить её назад. – Расскажи о нём.

Серебряная Ведьма с любопытством приблизилась.

– Ты меня не боишься.

«*Боюсь.* – Зафира тяжело вздохнула, услышав в голове голос Бабы. – *Страх порождает смерть. Уверенность порождает свободу*».

– Ты бы не стала меня звать, если бы не искала помощи, – осмелилась Зафира. – Так зачем мне бояться?

Серебряная Ведьма рассмеялась:

– Считаешь себя незаменимой? В Аравии много охотников, девочка. Я пригласила тебя лишь потому, что ты возглавила список. И всё же, несмотря на заслуги, тебе есть чего опасаться.

«*Равных мне охотников никто не сыщёт*», – подумала Зафира, но проверять теорию всё же не желала.

– Почему бы тебе самой не отправиться на Шарр и не забрать книгу?

– Будь это так просто, я бы не стояла среди этой гнили. – Презрение вспыхнуло в глазах Ведьмы.

– Но если владеющая магией ведьма не в состоянии заполучить Джаварат, какой толк от простой девушки с луком и стрелами? – спросила Зафира. Она *слышала*, как Дин пытается хранить молчание.

Ведьма цокнула языком.

– Чем больше ты думаешь, – прошептала женщина, приблизившись, – тем безумнее становишься. Так сказал мудрец.

– Так сказал Баба, – промолвила Зафира.

Дин приблизился. Быстрым движением обхватил мизинцем её палец, пытаясь вернуть ей здравый рассудок.

Серебряная Ведьма ухмыльнулась:

– Тот, кто не умер бы, не будь ты прикована к постели. Я видела, как он испустил последний вздох. Твоя мать повела себя довольно жестоко.

Перед глазами всё помутнело. Как давно женщина шпионила за ней и её семьёй? *И с какой целью?*

– Спасибо за присмотр, – выдохнула Зафира.

– Даже *мне* неподвластен Арз. – Ведьма как будто задумалась. Как будто вспылала обожанием. – В хаосе есть своя красота. В бесконтрольности – своё величие.

– Ты лжёшь, – выступил Дин.

Зафира застыла, ошеломлённая образом безжизненного тела Бабы. Дин потёр ладонями её руки, но Зафира лишь съёжилась.

– О, значит, юноша умеет говорить, – с улыбкой протянула ведьма, отчего Дин громко сглотнул. – Увы, я не умею лгать.

В тот момент, когда ведьма перевела внимание на Дина, Зафира почувствовала спиной холодок. Тотчас она отбросила мысли о Бабе и выпрямилась.

– Если *ты* не в силах обуздать Арз, то каковы *мои* шансы добраться до Шарра?

Тёмные глаза ведьмы вспыхнули. Зафира поняла, что зашла слишком далеко. Если женщина могла заморозить лошадиное сердце, то и человеческое легко разобьётся вдребезги. Как её, так и Дина.

Дина, который оказался в конюшне лишь по её вине.

– Я не заставляю, Охотница. Приходи, если хочешь. Откажешься, и я без труда найду желающего. А я-то думала, что ты, будучи женщиной, захочешь претендовать на победу.

Зафиру терзали сомнения.

– Подумай. – Ведьма ещё раз улыбнулась. – Жизнь без тени Арза. Баранси на границах Деменхура. Волшебство у твоих ног. Я обеспечу тебе проход через море, Охотница. Когда халиф прибудет тебя проводить – а он обязательно прибудет, – у тебя появится шанс заключить с ним сделку, а то и несколько. Тебе есть что выиграть.

Может, ведьма и не заставляла Зафиру, но определённо пыталась повлиять на решение.

– Почему халиф? Если это касается Аравии, то решать должен султан.

– Халиф – такой же король халифата, как и султан – своего королевства. А у султана, как известно, в последнее время мысли недобрые, – ответила ведьма.

Зафира вспомнила мужчин, устроивших ей засаду. Вспомнила наследного принца, по приказу султана убившего халифа Сарасина. Да, помыслы его и вправду нечисты.

– Каким бы пристрастным ни был ваш халиф, он хороший человек. Я подумала, что будет лучше сообщить ему, прежде чем отправлять легендарного Охотника с опасной миссией на Шарр.

– Но в чём *твоя* выгода? – настаивал Дин.

Внимательное выражение на лице Серебряной Ведьмы дрогнуло. Печаль коснулась губ, сморщила складки тёмных глаз.

«Игра. Должно быть, игра».

– Разве не правильно искать искупления, как это дозволено любому смертному?
«Любому смертному?»

Зафира, вздрогнув при мысли о сущности ведьмы, бросила взгляд на Дина, но тот едва дышал.

– Зависит от того, в чём причина поиска, – осторожно заметила Зафира.

– Я обманула человека, которого когда-то любила.

Зафира приподняла брови, и печаль ведьмы исчезла так же быстро, как и появилась.

– Если ты не веришь в искупление, Охотница, то верь этому: к концу года Арз поглотит каждый уголок Аравии. Отправляясь на Шарр, ты рискуешь немногим.

Ведьма не ошибалась. Да, Шарр мог стать для Зафиры смертным приговором, однако народ Аравии *уже* был обречён. Это был лишь вопрос времени. И времени оставалось ничтожно *мало*. Даже меньше, чем ожидала Зафира.

Всё выглядело довольно просто: путешествие на остров, поиски Джаварата, уничтожение проклятого Арза и возвращение волшебства. Но *Шарр*...

– Неужели книга способна вернуть магию? – спросила Зафира.

– А ещё воспроизвести историю цивилизации, научить вкусному блюду и рассказать интересную историю, – произнесла ведьма так, будто Зафира задала самый глупый вопрос. – Тебя интересует, почему ты всегда находишь дорогу обратно?

Ведьма умела отвечать на вопросы большим количеством вопросов.

– Подожди, ты ожидаешь, что она отправится туда в одиночку? – вмешался Дин. – Почему бы халифу не послать с ней мужчин?

– Если бы я хотела устроить вечеринку, юноша, я бы давно это сделала, – отрезала ведьма и тотчас повернулась в вихре плаща. – Смерть станет её спутником. Она всегда хранила её. Зачем останавливаться на достигнутом?

Зафира вздрогнула от выбора слов. Мизинец Дина обвился вокруг её мизинца, но Зафира отпрянула. Она снова услышала приглушенный женский шёпот, невзирая на расстояние.

«Прощай, Охотница».

Ледяной кулак сжал горло Зафиры. Из всех сил она пыталась дышать, но когда наконец-то смогла, ведьмы и след простыл.

Глава 11

Пробудившись ото сна и первым делом увидев у кровати слугу, Насир с хмурым видом потёр ладонью колючую щетину.

– В чём дело? – прохрипел он.

Мужчина со шрамом на лице и тёмными волосами на фоне почти прозрачной кожи опустил глаза на собственные ноги. Насиру не пришлось гадать: перед ним стоял деменхурец. В Крепости Султана служили граждане всех халифатов, кроме Альдерамина, ибо сафи не служили никому. Гамеку невероятно повезло, что Арз и Хакимов пролив разделили Альдерамин и Крепость, потому что в противном случае, по мнению Насира, султан вряд ли занял бы трон.

– Султан...

– Иду, – отрезал Насир.

Мужчина, вздрогнув, поспешил за дверь.

Насир тем временем, соскользнув с кровати, направился в примыкающую к комнате уборную. Живот громко урчал от голода, но, закончив одеваться, Насир понял, что времени на завтрак не осталось. Султан не терпел опозданий.

Но что бы изменило опоздание?

Матери в живых больше не было. Кульсум потеряла самое ценное богатство. Но, как бы велики ни были потери, что-то всегда оставалось. Султан мог вырезать глазные яблоки Кульсум, содрать ногти сыну Хайтама. Султан Гамек всегда умел сделать так, чтобы у жертвы осталось одно желание – желание умереть.

Стараясь успокоить тревожное дыхание, Насир сосредоточился на тихих шагах. Когда громоздкие двери тронного зала со скрипом открылись, за ними показался восседающий на Позолоченном Троне султан, принимающий эмиров. Отец никогда не спал. Всегда работал, всегда оставался начеку.

Насир ждал в дверях даже тогда, когда эмиры, проходя мимо, осыпали его насмешками, гордясь, что *им* султан оказал внимание раньше, чем наследному принцу.

Как только отец и сын остались наедине, Гамек внимательно рассмотрел одежду Насира.

– Куда-то направляешься?

– Ты вызвал меня. Я думал, предстоит новое задание, – ответил Насир, слишком поздно осознав свою ошибку.

– Сколько раз я велел тебе не думать?

Насир стиснул челюсти, но тут же расслабился.

– Мне переодеться?

– Мне всё равно, что на тебе надето, мальчик, – отчеканил султан.

«Мне всё равно», – эхом отозвалось в ушах.

– Поешь и приходи в мои покои. Поторопись.

На какое-то мгновение Насир так и застыл на месте. Султан только что велел ему *позавтракать*.

Удивление, должно быть, отчётливо отразилось на лице Насира, потому что Гамек громко усмехнулся:

– Голод омрачает ум, а твоя голова нужна мне ясной, чтобы слова не вылетели из твоей дырявой памяти.

Конечно. Как он мог подумать, что отца беспокоит его состояние?

* * *

На этот раз Насир надел на голову серебряный обруч. Едва стражник впустил принца в покои, пульс Насира участился. Комната выглядела точно так же, как и днём ранее. Даже жалкая кочерга после встречи с Хайтамом осталась на прежнем месте.

Отдёрнув занавес, Насир попал в небольшую комнату, где султан Гамек развалился на подушках, скрестив ноги и играя с медальоном на шее. Насир перевёл взгляд на другой проём, за которым виднелась кровать с пологом цвета слоновой кости и серебряными цветами. Насир замер.

– В чём дело? – полюбопытствовал султан.

Насир не желал отвечать.

– Я не приходил сюда с тех пор...

– Как она умерла, – жёстко продолжил Гамек.

Вздыхнув, Насир одарил отца пристальным взглядом. Выжидательным. Любопытным. И на мгновение заметил крохотный надрыв в этих серых, будто каменных глазах. Однако печаль исчезла до того, как Насир успел её уловить.

Он опустился на колени, и мгновение разлетелось вдребезги.

– Ты отбываешь завтра, – объявил султан.

– Куда?

– На Шарр.

Если Гамек ждал удивления, сын ничем его не выдал. «Порочный» – слишком мягкое описание Шарра, места, где сам песок сулил смерть. Тем не менее, понимая, что скоро окажется на просторах острова, Насир ощутил странное чувство. Логика подсказывала, что теперь ему *будет* чего опасаться. Теперь *не он* – самая большая угроза. *Не он* станет диктовать условия.

Вот только Насир перестал прислушиваться к логике ещё в те времена, когда умерла его мать.

– Серебряная Ведьма отправляет на остров Охотника из Деменхура, чтобы найти утраченный Джаварат – книгу, которая вернёт волшебство.

Значит, Хайтам не ошибся в предположении. Из открытых окон донеслось дуновение ветра, сухое и мёртвое, как и вся Крепость Султана.

– Охотник есть *даира*. Компас. Охота в Арзе довольно сложна, но ещё сложнее – найти обратную дорогу. На кону стоит волшебство, сын. Даира обладает редчайшей способностью. Стоит ему настроить ум на нужную цель, как дорога сама ведёт его. Сомневаюсь, что Охотник знает о своих силах, иначе он не стал бы так опрометчиво себя раскрывать. Воины, которых я послал за ним, так и не вернулись из леса. – Султан задумчиво потёр бороду. – Значит, придётся ловить его на острове. Используй его, чтобы отыскать Джаварат, и убей на месте. Убей каждого, кого ведьма отправит на поиски.

Убить, уничтожить. Просьба, которая изгнала логику из разума Насира.

– Но ведь волшебство... – попытался он.

– Я спрашивал твоё мнение? – перебил султан.

Насир был для Гамека лишь мальчиком на побегушках. Вряд ли султан стал бы рассказывать ему о собственных планах. Сын, по его мнению, не *заслуживал* большего.

Но как? Как Охотник может обладать волшебными силами, если волшебства в Аравии не существует? Если известно, что призываемое Гамеком пламя рождено давно запрещённой магией крови. Никто в Деменхуре – самом нравственном халифате – не касался её и не *мог* коснуться.

Это означало, что исчезновение волшебства имело более веские причины.

– Ведьма меня обманула, – продолжил султан. – Нельзя, чтобы книга попала ей в руки. Если мои предположения ошибочны, а Охотник – не более чем целеустремлённый юноша, не медли с решением.

«Не медли с решением». Невинная формулировка, подразумевающая *«убить и покончить с этим»*.

– Ты меня понял?

Насир кивнул. Султану было неважно, согласен он или нет.

– Но почему я? Почему не солдаты?

Возможно, Насир и считался единственным, кто безмолвно выполнял приказы султана, но как можно было ожидать от него успеха на острове, с которого не вернулись даже Сёстры Забвения?

– Ты – лишь стратегический вариант. Мы имеем дело с ненадёжной ведьмой, а не со смертным соперником.

«Действительно, ненадёжной».

Насир, подумав о занавесках цвета слоновой кости, усомнился, что султан спит в той кровати.

– А если я откажусь? – Слова сорвались с губ прежде, чем он успел их остановить.

– Тогда служанка потеряет ещё несколько частей, – незамедлительно гаркнул султан. – Ещё есть варианты в виде мальчишки с Дар аль-Фавды и сына Хайтама. Идеи у меня всегда найдутся, ибо ты любишь брать под опеку больные души. Думаешь, я слеп? Ты слаб. Жалок. И, пока ты не убьёшь гноящуюся в сердце тошнотворную мягкость, ты никогда не будешь достоин зваться моим сыном.

Гнусные слова отца эхом отдавались в тишине.

Были времена, когда Насир был достойным сыном, а султан – человеком, которого он называл Бабой. Казалось, в душе Гамека таилось что-то, что разрушало близкого и любимого Насиром человека. Он бы сделал всё, что угодно, лишь бы мельком увидеть в глазах отца прежний блеск. Хотя бы лёгкий *намёк* на признательность.

Стал бы убивать без морали. Без сожаления. Превратился бы в бесчувственного монстра.

В комнату вбежала служанка. Насир, услышав шорох платья, не оборачиваясь, понял, кто именно. *Она*. Султан пристально глядел на сына, поэтому Насир, собрав волю в кулак, принял равнодушный вид.

Кульсум скользнула вперёд, поставила перед султаном блюдо с фруктами. Присела рядом, прижав подбородок к груди, тихая и выжидающая. Чувства Насира сразил сладкий аромат жасмина. Он вспомнил нежность её кожи. Боль.

Гамек глянул на поднос с серебряными чашами, как будто они появились сами по себе. Единственным подтверждением, что он помнил о присутствии служанки, стал приказ убираться прочь.

Насир не смотрел на Кульсум, хотя каждый миллиметр тела умолял об обратном. В мисках были разложены фрукты, тонко нарезанные и рассортированные по цветам. Они только что прибыли из Пелузии, единственного халифата с плодородной почвой.

Султан ел. Забрасывал в рот виноградину за виноградиной, пока сын Хайтама дрожал от голода. Пока слуга облизывал грязные пальцы, а дети падали со спин верблюдов. Пока Аравия страдала.

«Дыши».

– Разрешите идти, мой Султан? – мгновение спустя спросил Насир.

Султан, игнорируя сына, продолжил жевать. Глаза принца застлала тьма.

Наконец Гамек хмыкнул.

– Завтра, мальчик. Приготовься.

– Предположим, я перейду Арз. Но как добраться до Шарра?

Крепость Султана не располагала ни флотом, ни моряками, которые помогли бы ориентироваться в море.

– На корабле, – рявкнул Гамек, как будто Насир был глупцом.

Принц сомневался, что султан заметил дрожь его челюсти.

– Да, мой Султан.

Однажды он сопротивлялся приказу Гамека столько времени, сколько мог, прежде чем поддаться боли. Он продержался дольше, чем могло большинство. А чуть позже султан нашёл лучший способ добиться послушания сына.

– Я отправлюсь один?

Султан улыбнулся как змея, и ужас поселился в сердце Насира.

– Возьми Альтаира.

Насир выдохнул. Интересно, что такого натворил любимый генерал султана, чтобы навлечь на себя гнев Гамека?

– Но я должен буду убить *всех*.

– Кажется, я выразился ясно. – Султан взял пригоршню гранатовых зёрен.

Шарр слыл страной призраков, островом, где даже земля была врагом. Но Насир боялся не этого. Он боялся самого себя и тех жизней, которые он заберёт, начиная с любимого генерала отца. Ради Кульсум. Ради сына Хайтама.

«Если только»... – раздался голос в его сердце.

И с этим Насир покинул покои.

Глава 12

Остаток ночи Зафира провела в мыслях о женщине в серебряном плаще – настоящей *ведьме*-волшебнице, которая с невозмутимым спокойствием толковала о магии и искуплении. Она выглядела чуть старше Зафиры, хотя манера разговора как будто намекала на многовековой возраст. Зафира отличалась от Дина. Никогда прежде она не вела бесед с бессмертными сафи; не видела мир за пределами западных деревень Деменхура. Все её познания сводились к сказкам, рассказанным Бабой и Умм глухими ночами. Сущность ведьмы уж точно не поддавалась её пониманию.

В конце концов Дин не остался ночевать в её доме.

Едва Серебряная Ведьма исчезла, он с отрешённым взглядом прислонился к стене конюшни.

Когда он наконец-то собрался с мыслями, стало ясно, что ему ни в коей мере не нравится застывшее на её лице выражение. В растянувшейся между ними тишине Дин обхватил ладонями опущенную голову Зафиры и коснулся губами её лба.

– Зафира. Зафира, взгляни на меня.

Но она не могла. Не могла и не хотела открывать глаза. Теперь, в крошечной тьме, всё казалось возможным. Баба не умер; Умм стала прежней; магия вновь ожила. Однако веки не могли вечно оставаться опущенными, если только не принадлежали мертвецу.

Но мертвецы никогда и не видят снов.

– Это выше наших возможностей, – прошептал Дин, чуть касаясь её кожи губами.

Разве? *Кто определяет границы, если не мы сами?*

Внезапно дверь в комнату Зафиры отворилась. На пороге, залитая приглушённым светом, стояла Лана.

– Сестра? Мне почудилось, будто я слышала скрип кровати. Я и не заметила твоего возвращения. – Искреннее облегчение Ланы вызвало улыбку на лице Зафиры. – Умми просила тебя зайти к ней.

И в один миг улыбка исчезла.

– Да? – осторожно спросила Зафира, игнорируя зияющую пропасть вины.

В тот день, когда Баба вышел из леса, рассудок Умм помутился, однако изредка в голове матери случались вспышки ясности. Но и в те нечастые моменты Зафира скупилась на встречи, ибо видеться лицом к лицу казалось в разы тяжелее.

– Сходи к ней, – негромко попросила Лана. Сестра стояла на месте, сцепив руки. Лицо пряталось в тени тускнеющего огня.

И *вот тогда* вина предательски скривила рот Зафиры.

– Я... я рассказала ей о письме. И об острове, – призналась Лана.

Вздыхнув, Зафира скинула с себя одеяла. Стоило ей подняться, как холод прокрался сквозь тонкую ткань старого платья. Лана поспешно направилась прочь. Вскоре шаги смолкли, сменившись шуршанием подушек.

Стоя у порога, Зафира разглядывала покрытую ржавчиной дверную ручку. Ручку, ведущую в комнату Умм. Ручку, мимо которой она проходила каждый даамов день с глодающим душу чувством вины.

Однако скоро всё закончится. Зафира отправится на Шарр, где, вполне вероятно, встретит собственную погибель.

Стиснув зубы, девушка приблизилась. С каждым шагом вина въедалась всё глубже и глубже. В тот миг ей казалось, будто она идёт навстречу собственной казни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.